

ЛЮБОВЬ ОГНЕННАЯ

ВАНИЛЬКА

ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ НЕНАВИДЕТЬ

Любить нельзя ненавидеть

Любовь Огненная
Ванилька

«Автор»

2022

Огненная Л.

Ванилька / Л. Огненная — «Автор», 2022 — (Любить нельзя ненавидеть)

Вот уже сотню лет верхушкой власти на Земле являются имситы — носители идеального гена, модифицированные ровно настолько, чтобы превосходить людей буквально во всем. Их ненавидят, их боятся, но им подчиняются, потому что только благодаря имситам мы все еще живы как раса. Подчиняются, но я не готова опустить руки, безропотно отдавая им власть. Есть только один способ изменить наше будущее — поднять восстание и свергнуть верховнокомандующего до того, как он вычислит каждого из нас. Именно так я думала, пробираясь в его особняк для выполнения задания, но совершила непростительную ошибку. Теперь я его пленница. Пленница, от которой он требует любви.

© Огненная Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1: Улыбаться – это искусство. Улыбаться врагу – верх мастерства	5
Глава 2: Букет проблем	10
Глава 3: Гордость и предубеждение	14
Глава 4: В объятиях хищника	19
Глава 5: Одержимые	25
Глава 6: Удача авансом	33
Глава 7: Значит, война	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дора Коуст Ванилька

Глава 1: Улыбаться – это искусство. Улыбаться врагу – верх мастерства

Малика

Мягкая волнующая мелодия полилась по залу, окутывая гостей, пронизывая души... Бездушных монстров, занимающих удобные кресла. Даже «Лебединое Озеро» не могло примирить меня с этими существами, что людьми-то по сути и не были.

Звери. Звери в человеческих обличьях.

Вставив наушники, я потянулась и тут же вновь заняла свое место. Один, два, три...

– Девочки, пошли! – дала команду наш постановщик.

В моих наушниках тоже играло «Лебединое Озеро», но композиция значительно отличалась, учитывая рок-обработку. Каждый звук ударял, бил наотмашь, позволяя выплеснуть ту энергию, ту ненависть, которую я испытывала к этим нелюдям.

Будь моя воля, меня бы здесь не было, но все, что я умела, – это танцевать. Все, чего хотела моя мама, – чтобы я была балериной, и я занималась днями и ночами. Пальцы в кровь, зубы сжаты, и до изнеможения.

«Улыбайся, Малика!» – кричал педагог, от злости швыряя в меня всем, что попадалось под руку.

И я улыбалась, прямо как сейчас, чаще всего просто закрывая глаза. В эти моменты я танцевала не для себя, не ради репетиции и даже не для зала. В эти моменты я танцевала для мамы, представляя ее счастливое лицо.

Нельзя танцевать с закрытыми глазами. Это непростительно. Тем более непростительно для кордебалета, когда несколько танцовщиц должны выполнять синхронные движения, но по-другому выступать на сцене я не умела. Не перед этими напыщенными индюками, безэмоциональными роботами, чьи скупые хлопки приравнивались к шквалу аплодисментов.

Вот и в этот раз я танцевала с закрытыми глазами. Танцевала под свою музыку, не слушая и не слыша происходящего на сцене и в зале. Свою роль я знала назубок и отыгрывала ее с полной самоотдачей, сливаясь с термоядерным сочетанием рока и классики. Я была не балериной, я была музыкой, штормом, что бушует в сердце.

Отыграв свою часть, как и всегда напоследок я открыла веки, чтобы посмотреть в зал и не увидеть ни капли эмоций, но что-то определенно изменилось. Музыкальная композиция в наушниках закончилась, а вокруг стояла оглушающая тишина, которой здесь быть не должно было.

Повернуть голову? Нельзя. Боковым зрением я отметила, что нахожусь на сцене одна. Справа в кулисах стоял разъяренный художественный руководитель, жестами рассказывающий мне, что со мной будет. Слева – постановщик. Свое лицо женщина прятала в ладонях, а плечи ее вздрагивали от беззвучных рыданий. За их спинами выглядывали испуганные солисты и массовка.

Конец. Мне определенно конец.

Что-то пошло не так, а я все пропустила, но самое паршивое, что за кулисы идти мне совсем не хотелось. Я так и стояла на сцене, ожидая непонятно чего, и... дождалась.

Скупые хлопки прозвучали в этой страшной тишине оглушающе громко. Взгляд мой заметался, разыскивая ценителя провалов, но в зале он не обнаружился. Тот, кто хлопал, сейчас стоял на самом главном балконе, и стоял во всем зале только он.

Верглавнокомандующий Федерации. Имсит, которого я ненавижу!

Таких ярких, таких громких аплодисментов, прокатившихся по залу после скупых хлопков, этот театр не слышал уже очень давно.

Я сбежала со сцены.

Пронесшись мимо худрука, едва не закричала от боли, с такой силой схватили меня за руку, останавливая.

– Никогда тебе не стать примой этого театра!

Взгляд бешеный, зубы сцеплены, скулы играют. Мужчина был разъярен, и, быть может, в другой ситуации я бы покорно промолчала, но эмоции кипели во мне ураганом. Преобладала ненависть, затушить которую я была не в силах.

– Да кому нужны ваши главные роли?! – высвободилась я, оттолкнув от себя худрука.

– Ты здесь больше не работаешь! – припечатал руководитель, проглотив слова оскорблений, что так и рвались с его языка.

– Да пожалуйста!

Это был позор. Нет, не отыгранный акт и не мое сольное выступление на сцене. Я ощущала стыд, потому что подвела столько людей, которые на меня рассчитывали. Этот стыд не имел никакого отношения к театру. Просто именно сегодня я должна была выполнить свою часть плана: отыграть постановку и...

Впрочем, время у меня еще было. Я на это очень сильно надеялась.

Ворвавшись в общую гримерку, я сорвала пачку, стащила пуанты и дурацкую повязку из перьев. Переодевалась молниеносно, едва ли не на ходу. Жаль, что за своими пожитками придется возвращаться сюда завтра, но и черт с ним! Разберусь! Сейчас главное – это успеть.

На дорожку, ведущую к парковке, я скользнула темной тенью, облаченная в эластичные штаны и облегающую кофту с капюшоном. Ступала медленно, стараясь не привлекать внимания. Камеры являлись не моей заботой – за их временное отключение отвечал Джаспер, а за то, чтобы у летной машины верглавнокомандующего не ошивалась охрана, – ребята, которых я не знала. Минутами ранее они должны были устроить здесь дебош, но все ли получилось?

Я не знала. Действовала на свой страх и риск, готовая к тому, что меня могут поймать. Попытки – не лучшее, чего может желать девушка на двадцать втором году жизни, так что на этот счет при мне имелось универсальное средство. Универсальное и безотказное в моменты, когда смерть по сравнению с жизнью покажется раем.

Каждый из нас знал, на что шел, но если не мы, то никто – так всегда говорит мой отец, этого же мнения придерживалась и я. Пора, пора покончить с рабством на Земле. Пора напомнить этим нелюдям, что они ничем не лучше нас.

Достав из кармана деактиватор, я молилась Богу, чтобы ключ подошел. Загрузка происходила слишком медленно, и с каждой пройденной секундой я нервничала все больше. Когда раздался такой желанный щелчок, я гулко выдохнула и, не теряя времени, залезла в узкий багажник, совсем не предназначенный для перевозки кого-либо, но именно моя гибкость, моя худоба и мой рост стали решающими в нашем плане. Никто, кроме меня, здесь больше не поместился бы.

Повторный щелчок раздался еще спустя минуту, и только в этот момент я по-настоящему осознала, что первый этап мною пройден. Правда, пришлось тут же насторожиться: блокировку снова отключили и лично я к этому не имела никакого отношения. Вот что значит действительно успела. Все тютелька в тютельку.

– Домой, Ардам, – скомандовал тяжелый вибрирующий голос, пробирающийся до самых костей.

Я ненавидела его – этот голос. Я ненавидела его обладателя. Я ненавидела их всех – наделенных властью монстров, для которых человеческая жизнь – это ничто.

Воспоминания снова нахлынули. Провалившись в вязкое марево, я будто снова услышала этот голос, увидела это ледяное выражение лица без капли сочувствия. Он стоял там, за трибуной, перед сотнями безутешных семей. Весь такой идеальный в дорогом костюме и холодный, словно камень.

– Мне жаль, – проговорил РиАнт Арль и ушел, оставив собравшихся на попечение своего секретаря.

Эта женщина и зачитала с листочка, что семьям погибших на сгоревшем заводе граждан полагается компенсация, но разве могли несчастные рушки вернуть мне маму? Разве они могли вернуть моему отцу любимую?

Этих денег нам не хватило даже на то, чтобы переехать в другую квартиру, где ничего не напоминало бы о ней. Да и разве можно вытравить этот светлый образ из головы, из сердца?

За ее серые глаза я буду мстить до тех пор, пока нам не удастся свергнуть власть этих модифицированных. За ее улыбку, которую больше не увижу никогда.

Я знала, что завод по переработке металлов фактически принадлежал семье верглавнокомандующего Федерации. Как и от многих других предприятий, они получали немаленький доход, но на хорошую противопожарную сигнализацию поскупились.

Когда охранники на камерах среди ночи заметили, что нулевой этаж уже почти весь объят пламенем, было слишком поздно. Крепления, удерживающие строение, под воздействием огня не выдержали тяжести конструкций, и первый и второй этажи провалились вниз, погребая под руинами сотни тел всех тех, кто работал в ночную смену.

Тушение пожара, раскопки, что велись больше суток, и итог, который навсегда сломал во мне что-то. Я не плакала, стоя тогда на площади. Я ненавидела, прожигая взглядом спину уходящего верглавнокомандующего.

Это летное авто отличалось особой плавностью полета, а потому я едва не пропустила момент, когда транспорт добрался до своей конечной на сегодня точки. Слышала, как хлопнула дверца. Как авто проехало еще несколько метров – видимо, чтобы занять свое место в гараже.

Сверившись с часами, я чуть было не выругалась вслух. Оставалось чуть больше двух часов, прежде чем за мной явится отец. Это время мне полагалось провести в машине, потратив на поиск необходимого лишь последние полчаса. Идти сейчас – чистое самоубийство, но в половине третьего ночи роскошный особняк, что располагался так же, как и театр, на третьем уровне, уже должен был спать.

Тело затекло, мышцы после выступления невероятно болели. В последние недели я слишком мало времени уделяла тренировкам, все больше помогая отцу. Мы обустроивали новое логово в канализационных шахтах, потому что к прошлому убежищу наши активисты умудрились привести хвост из военных, а логово было необходимо.

Не только затем, чтобы устраивать собрания и разрабатывать очередной план по нанесению несокрушимого удара верглавнокомандующему Федерации, но и потому, что многим активистам просто-напросто негде было жить.

Некоторых искали власти за причастность к бунтам, других – лишили работы, а значит, и дома имситы, желающие сократить штат, чтобы увеличить доход за счет зарплат. Прятались там и просто бедняки, по тем или иным причинам оказавшиеся на улице. Мы никого не выгоняли, всем находили занятия и давали кров и пищу, а они в благодарность помогали нам, чем могли.

Кто-то информацией, другие – знаниями, а большинство просто вели хозяйство, взвалив на себя командование толпой. И мы действительно держались вместе. Потому что человек – это не просто слово. Потому что только вместе мы могли попытаться исправить хоть что-нибудь.

Два часа не прошли – пролетели. Так было всегда: когда очень сильно не хочешь, чтобы время пришло, оно летит без оглядки, приближая то, к чему ты еще пока морально не готов, но в этот раз, несмотря на нервозность, я была готова.

Точно помнила, что на ночь машину не запирали – характерного щелчка я не слышала, – так что из летного авто я выбралась без применения деактиватора. Приоткрыла багажник, замерла на доли секунды и выскользнула в непроглядную темноту, теперь полагаясь исключительно на свою память.

План особняка собирали буквально по частям. Кому-то из активистов удалось побывать здесь лично – в качестве дополнительного обслуживающего персонала на роскошных званых вечерах. Другие – такие, как Дейра, – попадали сюда обманом, чтобы пробраться на второй этаж к спальням, а точнее в одну конкретную спальню.

Я бы так не смогла. Моя ненависть была выше «такого», даже если это требовалось для общего дела.

Переобувшись в пуанты и слегка размявшись, я ступила на каменный пол.

Сегодня верглавнокомандующий прибыл в театр на серебристом летном авто, так что до двери, что соединяла огромный гараж с особняком, мне нужно было пройти не меньше десяти метров. Длинный коридор в обычное время не охранялся – только если в доме находился кто-то лишний, так что его я преодолела без проблем.

Очень сильно надеялась, что ребятам через камеры меня сейчас видно и они активно заменяют онлайн трансляцию на фотографии, сделанные с этих же камер. Если это не так, охрана, занимающая две комнаты на первом этаже, обнаружит меня в два счета, и тогда...

Пиши пропало.

Сделав глубокий вдох, я задержала дыхание и скользнула в крошечную темень огромного холла. Высокие потолки, отделанные золотом стены, всевозможные произведения искусства. Все это я видела только на фотографиях, как и лестницу, что полукругом уходила на второй этаж.

Ступала беззвучно, ни в коем случае не опираясь на стопы целиком. Пол первого этажа был насквозь пронизан тонкими вибрирующими линиями датчиков, которые незамедлительно реагировали, если область соприкосновения была больше определенной площади. Такая «неабсолютная» защита возникла из-за домашней кошки семейства, а, как известно, кошкам закон не писан. Где хотят, там и гуляют. В том числе и в холле.

Пока поднялась на второй этаж, на лбу, на висках появилась испарина. Чувствовала, что вспотела от страха. Все-таки я понимала, что фактически нахожусь в логове зверя, который нашей встрече совершенно точно будет не рад, но отступить была не намерена.

Всего один коридор и четвертая дверь по левой стороне. Сердце стучало набатом, губы высохли, а я упрямо шла вперед, прислушиваясь к каждому шороху. Если верить той же Дейре, двери здесь не запирали на ночь, но изогнутую полумесяцем дверную ручку я все равно поворачивала с особой осторожностью.

Здесь. Именно здесь, в этих комнатах, обосновалось чудовище, не ведающее ни жалости, ни сострадания, ни чести, однако отвлекаться было нельзя. Отчаянная мысль растворить собственную капсулу в графине с водой показалась малодушной. Это для меня смертельная доза, а у него разве что несварение на денек вызовет, так что, не теряя времени, я прошла к письменному столу.

Толстый ежедневник в черной кожаной обложке лежал на самой середине столешницы. Еще не веря в собственный успех, я прикоснулась к нему дрожащими пальцами и мотнула головой, отгоняя наваждение.

Миниатюрная камера ифона позволяла не только быстро сфотографировать расписание ненавистного имсита, но и сразу же отправить кадры на почту для того, чтобы, если меня поймают, задание так или иначе было выполнено. Эту почту было не отследить. Автоматическая

рассылка перенаправляла письмо на разные адреса, никак не связанные между собой. Наш Джаспер – гений, и этим все сказано.

Положив ежедневник на место, я уже намеревалась уйти тем же путем, когда услышала за дверью приглушенный голос имсита. Он с кем-то говорил, пока дверная ручка медленно поворачивалась. У меня было всего мгновение для того, чтобы спрятаться под массивным деревянным рабочим столом, но уже следующая фраза подписала мне приговор.

– Малика Торль, именно так. Найди все, что сможешь.

Как? Как и когда я выдала себя?

Глава 2: Букет проблем

РиАнт

– Сколько мы здесь еще должны находиться? – едва слышно, но при этом требовательно спросил Ант у своего секретаря.

Этой женщине на вид можно было дать как двадцать, так и тридцать, но на прошлой неделе ей исполнилось сорок, в связи с чем верглавнокомандующий преподнес ей привычный подарок – внеочередную премию с внушительным количеством нолей.

Кайла была прекрасным специалистом и свою работу выполняла неукоснительно. Иногда Ант даже поражался тому, как она все успевает. Не иначе нечеловек. Впрочем, нечеловеком из них двоих был именно он.

Когда твой отец имсит, по-другому и быть не может. Идеальный ген, разработанный когда-то в условиях секретной лаборатории, в полном своем генном коде передавался исключительно по мужской линии. Нет, девочки, конечно, тоже могли появиться на свет, но этого обычно не допускали. По трем причинам.

Первая – слишком непредсказуемый коктейль. Повышенная эмоциональность вкупе с постоянной борьбой с самим собой давала последствия ядерного взрыва, учиненные единственным представителем модифицированных. Мужчинам самоконтроль давался гораздо легче, а потому и опыты с женщинами на начальных этапах просто прекратились.

Второй причиной являлся негласный патриархат, царивший в семьях имситов. Мужчина был защитником, добытчиком и главой семьи, превосходя свою супругу буквально во всем. В силе, в скорости, в зоркости, в хитрости и еще десятках параметров, которые учитывались при создании идеального гена второго типа.

Этот ген был создан первым поколением имситов – бездушными чудовищами, уважающими лишь науку и силу. Их создание было необходимостью в условиях назревающей войны с инопланетными расами, желающими поработить Землю. Именно тогда – чуть больше века назад – земляне узнали, что на других планетах есть жизнь, а самих этих планет в необъятном космосе огромное множество. Именно тогда перед человечеством встал непростой выбор: свои чудовища или внеземные.

Ант часто задумывался над тем, что бы было, если бы имситов никогда не создали. Кем бы был он? Какой бы стала Земля? Да и существовали бы люди как вид? Одно он знал точно: появление имситов позволило человечеству отстоять свое право на свободную жизнь. Свободную от инопланетных рас.

Третьей причиной являлось пресловутое нежелание лишиться власти. До тех пор, пока в семьях модифицированных рождались мальчики, бизнес передавался от отца к сыну, но все бы изменилось, не контролируя имситы этот аспект жизни.

Своих дочерей имситы никогда бы не отдали замуж за простых смертных, а значит, семьи начали бы объединяться, увеличивая свое влияние. Но хуже всего даже не то, что здесь замешана политика. Хуже всего, что тогда имситы просто выродились бы со временем как отдельные кланы, а все семьи так или иначе были бы связаны кровно.

Только и это еще не все минусы. Модифицированные не могли связать свою жизнь с женщинами, совместимость с которыми была меньше девяноста процентов, и это было, пожалуй, самое важное.

Высокий уровень совместимости предполагал полную передачу структуры идеального гена следующим поколениям естественным путем. Имситы не могли позволить себе ослабнуть.

Слабости в этом мире не прощали никому.

– Еще пятнадцати минут будет достаточно, чтобы не нанести никому оскорбления, – ответила Кайла, поправляя очки с прямоугольными стеклами.

– Оскорбления? – усмехнулся Ант, а его бровь скептически приподнялась. – Тогда можешь быть свободна. Я планирую выспаться хотя бы сегодня.

– А как же ваша встреча с... Эм... Кажется, ее звали Анда? – насупилась секретарь, листая копию ежедневника начальника. Причем записи в оба ежедневника всегда делала именно она.

– У тебя великолепная память.

– Не-е-ет... – простонала женщина, отчаянно замотав головой.

– И платье сегодня красивое. Новое? – продолжал подлизываться Ант.

– Я не буду снова разбираться с вашими любовницами! – запротестовала Кайла, но исключительно шепотом, потому что слух у имситов был отменный, а имситов был полон зал. Сегодня на балетную постановку «Лебединое озеро» собрался весь свет, едва стало известно, что верглавнокомандующий Федерации желает приобщиться к искусству.

Он, кстати, совершенно не желал. Снова отец настоял, напоминая о том, что он должен быть ближе к народу. Только его народа здесь не было. Здесь находились модифицированные – сила и власть Федерации, а народу билеты на эту постановку в театре, что располагался на третьем уровне, были попросту не по карману.

– Ка-а-айла-а-а... – опасно протянул имсит, предупреждающе взглянув на свою помощницу.

– Хорошо! – как и всегда, сдалась женщина и поспешила добавить: – Но это в последний раз!

Анту оставалось лишь усмехнуться в ответ. Он-то знал, что это далеко не последний раз, когда ему не хочется объясняться с очередной любовницей. Мужчина не терпел ни слез, ни истерик, ни клятв в любви, существование которой ставил под сомнение. Да и как можно любить одну, если вокруг такой цветник?

Эта была старая шутка. Говорили, что подобно животным, чьи гены пошли на создание идеального гена, делающего из человека сверхчеловека, имситы находили свою пару, связь с которой как раз и называли любовью. Хотя нет, даже не любовью – одержимостью и... слабостью.

Когда Ант впервые прочел эту статью, долго смеялся и сейчас отчего-то снова вспоминал с едкой ухмылкой. Он тогда даже другу своему декламировал выдержки из нее, дабы обсудить назревающий заговор. Именно заговором мужчины это и посчитали. Просто потому, что модифицированных всегда желали лишиться власти, а слабость... Слабость – это то, на чем можно сыграть.

Да только у имситов нет слабостей. Их нельзя прочитать – их эмоции всегда под полным контролем. Их невозможно в чем-то уличить – идеальность во всем, начиная со дня появления на свет. Они – это власть, возможности которой почти безграничны.

– Я точно могу идти? – с сомнением взглянула Кайла на своего работодателя.

– Через пятнадцать минут я уеду домой. И кстати, было бы неплохо поторопить строителей. Мне хочется возвращаться к себе домой, а не в дом родителей.

После ухода секретаря Ант без особого энтузиазма следил за тем, что происходило на сцене. Честно говоря, уж лучше бы он посмотрел театральную постановку – там хотя бы что-то говорят, – но выбирать не приходилось. Однако, как оказалось, скучным этот вечер определенно быть не хотел.

Когда прямо посреди выступления самым неожиданным образом отключился свет и замолкла музыка, охрана, что занимала небольшой балкон, значительно напряглась. Да и верглавнокомандующий напрягся, потому что покушения на его скромную персону время от времени совершались организацией, устраивающей бунты не только в Верграйзе, но и в ближайших к столице городах.

Однако свет включился уже через несколько секунд – запасной генератор в этом здании был предусмотрен как раз для подобных случаев, чего не скажешь о музыкантах. Растерявшись, они не знали, то ли продолжать играть, то ли ждать команды, а на сцене происходило нечто.

Одна из балерин продолжала танцевать в полном одиночестве, будто и не заметив случившейся неприятности. Ее не волновало отсутствие музыки. Казалось, она даже не прерывалась, когда выключился свет. Какая грация, сколько эмоций, какой накал!

Смертоносная лавина! Беспощадное торнадо! Буйствующий шторм!

Неожиданно для себя Ант подался вперед, желая разглядеть ее получше. Не слишком высокая, а по сравнению с ним и вовсе маленькая. Худая настолько, будто ее всю ее жизнь пытали диетами. Но грациозная – этого не отнять. И гордая – чуть вздернутый нос говорил именно об этом. А вот улыбка неживая, словно приклеенная. И глаза – ее веки были закрыты, а на очередном па ему и вовсе удалось разглядеть белые кругляши наушников, вставленные в ее милые ушки.

Так вот почему она до сих пор танцует! Она действительно ничего не заметила!

Балерина, словно фарфоровая кукла, остановилась, видимо покончив с танцами, и наконец-то открыла веки. Ант следил за ее лицом жадно, с интересом, так что отметил весь kaleidoscope промелькнувших эмоций. Растерянность, усталость, облегчение, неверие и... Злость.

Пожалуй, последнее он на ее симпатичном личике увидеть не ожидал совершенно. Хотя, с другой стороны, ее можно было понять – даже он осознавал, что это провал, но... Ему вдруг захотелось помочь ей, по достоинству оценив ее талант. Танцевала-то она хорошо!

В оглушающей настороженной тишине его хлопки были слышны отчетливо. Для того чтобы верглавнокомандующего наверняка заметили, мужчина еще и поднялся на ноги. Он смотрел на нее без улыбки – сейчас, когда все внимание обращено к нему, она была бы лишней, проявлением несвойственных имситах эмоций, так что хлопками и ограничился, посчитав, что и так делает многое для незнакомой для него девушки.

Аплодисменты подхватили, хлопки прокатились по залу, что неудивительно. Всем хотелось показать свое лояльное отношение. Не к балерине, к нему – фактической власти, но РиАнт Арль не смотрел в зал. Его взгляд был прикован к серым глазам. Вскинувшись, балерина нашла его взглядом и...

Неприятно поразила в самое сердце. Чистейшая ненависть читалась в ее глазах. Она и не думала прятать взор, глядя прямо и открыто, этим самым бросая вызов.

Ему.

Все знали, что имситах в глаза смотреть ни в коем случае нельзя, а она беспардонно нарушала правила. Даже светлые волосы, спущенные локонами по бокам от лица, порывисто подпрыгнули от столь резкой перемены. Балерина будто вся закаменела. Закаменел и он, продолжая смотреть на нее без возможности отпустить.

– Кто она? – спросил он резко, нетерпеливо, совсем позабыв о том, что Кайла ушла. Ант провожал хрупкую фигурку взглядом до тех пор, пока та не скрылась за кулисами, но казалось, что и после ее образа его не отпустил.

– Узнать? – уточнил Ардам – глава службы охраны.

– Я жду.

Больше верглавнокомандующий так и не присел на мягкие диваны, безвкусно обитые красным бархатом. Сцепив руки на груди, продолжал стоять, невидящим взором глядя на сцену. Через пару минут Ардам вернулся с ответом, и РиАнт покинул театр, не дождавшись завершения возобновившейся балетной постановки, однако всю дорогу до особняка родителей мужчина видел перед собой образ маленькой балерины и взгляд, что был пропитан ненавистью.

Почему? Этот вопрос неизменно возвращался к нему, и отвлечься надолго он был не в силах. Даже мать, в спальне у которой он засиделся до поздней ночи, не смогла вернуть ему покой, так что последующий звонок Кайле не стал для него самого неожиданностью.

– Малика Торль, именно так. Найди все, что сможешь.

– Прямо сейчас или это потерпит до утра? – зевнула секретарь на том конце ифона.

– Потерпит до утра, но уже утром я хочу видеть на своем столе результат.

Пройдя через кабинет, Ант на секунду остановился, уловив чуждые этой комнате едва заметные нотки ванили, но все же закрыл за собой дверь спальни и прямо в домашних штанах и футболке рухнул на кровать, завершая звонок. Да только не прошло и получаса, как он отправил Кайле сообщение, что информация нужна ему сейчас.

Не спалось, хотя хотелось просто зверски.

Решив провести время с пользой, Ант поднялся с кровати и прошел в кабинет, намереваясь поработать на благо Федерации, но уже усаживаясь в кресло, запнулся о что-то, лежащее под столом. Нагнувшись, мужчина обнаружил маленькую спортивную сумку, а открыв ее, оказался и вовсе поражен.

Внутри находились белые пуанты, а еще... Он совершенно точно не открывал стеклянную дверь, ведущую на балкон, но легкий тюль колыхался от по-летнему теплого ветра.

– Это что за шутки? – спросил он в тишину спящего дома, но ответа не получил.

Однако ответы привык получать точные, четкие и в установленный срок, так что кнопку по вызову охраны нажал тут же. Через две минуты вместе с Ардамом они прочесывали каждый сантиметр особняка, но владельца подкинутой сумки, как и следов взлома, так и не нашли. Только легкая вуаль ванили по-прежнему витала в его кабинете.

И это было не единственным разочарованием в эту ночь. Кайла о Малике Торль ничего не нашла. Абсолютно. Будто такого человека, судя по базам, никогда не существовало, а это было странно вдвойне. Настолько странно, что утром вместо того, чтобы полететь в министерство, РиАнт Арль снова отправился в театр.

С очень большим букетом... проблем.

Глава 3: Гордость и предубеждение

Малика

Я толком и не помнила, как добралась до дома. Собственных ног не чувствовала от страха быть застигнутой, загнанной в угол. Даже после того, как дверь спальни за имситом закрылась, я продолжала в своих мыслях слышать его голос.

«Малика Торль, именно так. Найди все, что сможешь...»

Я выждала еще пару минут, прежде чем на негнущихся ногах вылезла из-под стола. Что ему от меня нужно? Откуда ему известно мое имя?

Не-е-ет, я не могла раскрыться, а иначе бы безнаказанно не стояла сейчас в его кабинете, а сидела бы на допросе, а то и вовсе прощалась бы с жизнью. Тогда что?

Беззвучно добравшись до двери, ведущей в коридор, я дрожащими пальцами повернула ручку и...

Ничего! Дверь не открылась, хотя ее точно не запирали. Просто захлопнули – иное бы я услышала, но...

Теперь я не могла вернуться тем же путем, а другой вариант был слишком рискованным. Настолько, что легче было самоубиться здесь и сейчас, однако так просто расставаться с собственной жизнью я не планировала, так что снова дошла до стола и спряталась под ним, чтобы переобуться.

Каждый шорох, каждое неосторожное движение могло стать последним, поэтому действовала я с максимальной аккуратностью. Имситы отличались не только острым слухом, но и великолепным зрением. Больше того, их обоняние распознавало сотни запахов разом, но было то, что затмевало любые ароматы.

Ваниль.

Самая обыкновенная ваниль, разбавленная водой. Этим раствором мы опрыскивали одежду, волосы и тело, чтобы не попадаться при близком контакте. Чтобы даже в случае погони запах увел их туда, где пахнет ванилью.

Переобувшись, я сложила пуанты обратно в сумку и взглянула на наручные часы.

Черт возьми! Опаздывала уже на десять минут, но время еще было. Отец прождет меня не меньше двадцати минут, прежде чем уедет с мыслью, что я провалилась. Я же проваливаться не собиралась.

Прокравшись к балконным дверям, даже дыхание задержала, прилагая максимум усилий, чтобы створка не скрипнула. Сердце стучало в бешеном ритме, пульс танцевал в ушах, а меня никак не отпускали мысли, чем таким я, простая смертная, заинтересовала этого имсита.

Неужели дело в сорванном выступлении? Его Великолепное Величество не простил испорченный вечер?

Очень даже похоже на правду. Эти идеальные монстры привыкли жить в своем идеальном мире, где всегда много вкусной еды, самые лучшие развлечения и помпезная роскошь вокруг. Посмотрела бы я на них, если бы им хоть один день пришлось пожить на улицах нижнего уровня без их сверхспособностей.

Они бы и часу не продержались.

Выбравшись на балкон, я глубоко вдохнула по-летнему теплый воздух и перелезла через балюстраду, двигаясь к самому краю. Запросто могла бы спуститься по колонне, что удерживала массивное сооружение, но точно знала, что тут же попадусь. Охранники прогуливались через каждый час, и как раз сейчас один из них должен был выворачивать из-за угла...

Я замерла, притворилась тенью, самой ночью, когда прямо подо мной раздались неспешные шаги. Спокойствие. Только спокойствие. Еще немного и...

Увидев, как в кабинете внезапно включился свет, я обмерла от страха. Во все глаза следила за тем, как мимо открытой балконной двери прошел верховнокомандующий Федерации. Сейчас он как никогда был похож на человека: темные домашние штаны, светло-серая футболка с каким-то рисунком, – но походка выдавала в нем хищника. Это-то и отрезвило.

Если застигнет – не пощадит.

Перевернувшись к балкону спиной, я отпустила руки, оттолкнулась и уцепилась за ветку раскинувшегося рядом могучего дерева. Повиснув, в два счета подтянулась и поспешила спрятаться в зеленой кроне. Даже не оглядывалась, когда забиралась чуть выше, намереваясь обогнуть широкий ствол по дуге. Страх нес меня вперед, но расслабиться я не смогла и тогда, когда все же спустилась по ту сторону высокого забора.

В условленном месте отцовская машина уже не стояла. Ничего не говорило о том, что она здесь вообще была, – это одновременно и радовало, и огорчало. Я задержалась на двадцать две минуты и прекрасно понимала, что это значит. Программа зачистки уже была запущена – подтверждением этого являлся мой ифон, отключенный удаленно.

Замечательно! Теперь я даже не могла вызвать себе летную машину! Хотя черт с ней – расплатиться за нее мне все равно нечем. Оставался один вариант – идти пешком.

Я толком и не помнила, как добралась до дома. Ноги гудели, навалилась дикая усталость, а на смену страху пришло безразличие. Самое главное, что мне все-таки удалось выбраться из особняка, а все остальное решается. Подумаешь, уволили! Невелика потеря.

В театре на втором уровне, конечно, платили гораздо меньше, но народ там был попроще. Ничего, выкарабкаюсь, не впервой.

Насчет имсита я и вовсе больше не переживала. Моя задержка в этот раз сыграла мне на руку, потому что по истечении условленного времени Джаспер запустил программу зачистки, а значит, в базе обо мне больше ничего нет. Совсем нет, будто и не рождалась, а это, несомненно, плюс. Опять же папа обрадуется, когда утром найдет меня в кровати...

Так я себя и успокаивала, пока бродила в темноте нашей маленькой двухкомнатной квартирки. Приняв душ, даже отыскала что пожевать в пустом холодильнике – чуть примятый апельсин пришелся как нельзя кстати. Стакан воды заполировал мой ночной променад, а сияние луны за окном дарило надежду на лучшее.

Старый диван чуть скрипнул – так привычно, породному уютно, но, едва прикрыв веки, я в ужасе распахнула их вновь. Вскочила, заметавшись из комнаты в комнату, и с отчаянием взвыла, падая обратно на диван, замотавшись клетчатым пледом по самые глаза.

Я. Оставила. Свою сумку. В особняке.

Большой ошибки я допустить не могла.

Не смыкая глаз, я просидела на диване до самого утра. Просидела бы и дольше, бездумно глядя в одну точку, но убиваться уже надоело. Следовало действовать: пока меня не нашли, я могла замести следы, на время просто скрывшись из столицы.

Активисты имелись не только в Верграйзе, так что с местом проблем не возникнет. Проблемы были с другим – с финансами, которых мне отчаянно не хватало. И с документами, которые больше действительными не являлись, но решить можно все при должном желании.

Если есть деньги, то до ближайшего городка можно доехать и на нанятой летной машине, а деньги сейчас я могла взять только в одном месте – в театре, из которого вчера меня выперли.

Одевалась спешно и так, чтобы не выделяться из серой массы первого уровня. В маленькую спортивную сумку с собой были уложены только самые необходимые вещи – минимум, исчезновения которого не заметит отец.

Была... Да, была мысль оставить ему хотя бы записку – с ночной смены он должен был вернуться домой через час, – но ее я отмела. Мне нельзя его подставлять. То, что меня больше нет в базе, совсем не говорит о том, что РиАнт Арль идиот. Оставленные пуанты как минимум дадут ему ниточку к театру, а фамилия заставит проверить всех однофамильцев.

Сколько времени его цепным псам понадобится, чтобы найти и допросить каждого из этого списка? Даже если отец соврет, что не знает такую, выдадут соседи. Другое дело, если он будет думать, что я провалилась. Тогда он скажет, что мы давно не общаемся и он обо мне ничего не знает. Неосведомленность для него в данном случае будет безопаснее всего, а я...

А я скину весточку по нашему каналу, как только доберусь до места назначения.

Мысленно согласившись с каждым пунктом своего плана, я полетела прочь из дома. Серые улицы первого уровня толком и не засыпали. Рабочий класс трудился в три смены, а иногда и не на одном предприятии, но редко кому удавалось забраться выше – на средний уровень.

Слишком дорогим там было жилье, но все стремились туда попасть. Там не было грязи и мусора нижнего уровня. Воздух был не настолько пропитан едким дымом заводов, а преступлений совершалось в разы меньше.

В основном там жили те, кто смог устроиться в этом жестоком мире, работая напрямую на модифицированных или открыв пусть и небольшой, но свой бизнес. Все же крупные предприятия если не целиком, то частично принадлежали имсита́м, а мелкие булочные или швейные мастерские их не интересовали.

В детстве я всегда мечтала, что стану известной балериной, примой театра на третьем уровне, и перевезу родителей под самые небеса. Туда, где улицы чистые, а вокруг море зелени и цветов, что пахнут просто одуряюще после дождя. Мечтала, что у нас будет огромный дом, большой пес, а мама и папа больше не станут пропадать на работе едва ли не круглосуточно, чтобы свести концы с концами.

Мечтала. До тех пор, пока не поняла, насколько беспощаден и жесток этот мир.

Поправив глубокий капюшон невзрачной черной толстовки, я поднялась на эскалаторе вверх – на второй уровень. Дальше – на третий – можно было попасть или через шоссе, чего лично я себе позволить не могла даже при наличии документов, или на лифте, через центральный охранный пост. По пропуску, который я обычно носила на шее.

Да только мой пропуск теперь тоже был недействителен. Оставалось надеяться на чудо. И хитрость.

– Пропустите! Пропустите, пожалуйста! – толкалась я, пробиваясь через привычную очередь, выстроившуюся у пропускного пункта. – Я очень сильно опаздываю!

– Все опаздывают! Ишь, какая цаца! – рывкнули мне откуда-то справа, но я не остановилась ни на секунду.

Специально толкалась, усиливая давку. Мне было заранее стыдно и совестно, но другого варианта попасть на третий уровень просто не имелось. Без пропуска не пускали никого, даже если на кону стояла твоя жизнь.

Заприметив девушку, с головой погруженную в ифон, я метнулась к ней, едва не сбив ее с ног, но сама же ее и удержала. Очень ловко удержала, вытаскивая из открытой сумочки беспечно торчащий пропуск.

– Ох, простите! Так тороплюсь! – извинилась я, протискиваясь дальше.

Мне было очень стыдно. Наверняка из-за меня сегодня эта дамочка не попадет на работу, но ее пропуск мне действительно нужнее. Главное, чтобы она не заблокировала его до того, как я выберусь с третьего уровня. Найти свободную летную машину можно было только на втором.

Спокойно приложив пропуск к сканеру, я вошла в лифт вместе с десятком других спешащих по своим делам. С этим справились. Теперь осталось стрясти с худрука зарплату за неполный месяц. Не доработала я всего три дня, так что большую часть денег должна была получить.

Да только у судьбы на меня оказались другие планы.

– Торль? – поймали меня прямо на подступах к общей раздевалке.

– Нет! – честно соврала я, потому как признаваться при любом раскладе было небезопасно.

– Торль, – отчего-то утвердительно заявил младший педагог, с которым я почти что по работе и не сталкивалась. Лишь один раз он заменял нашу Марашку, когда та приболела. – Живо в кабинет к худруку!

– Не надо мне указывать! – возмутилась я, делая шаг назад, но была подло схвачена за капюшон толстовки.

Сколько бы я ни вырывалась, а в этом тощем индивиде сил оказалось достаточно, чтобы оттащить меня прямо в кабинет к художественному руководителю. Ну не драться же мне с ним прямо посреди театра? За такое меня и вовсе без зарплаты могли оставить, так что оставалось только подчиниться. Увы, бежать нужно было прямо тогда.

Да что там бежать? Выпрыгивать в окно!

– А вот и наша «отличница», – недобро протянул худрук, глядя на меня своими маленькими злыми глазками. И вот я понимала, что отличница – это от слова отличиться, но еще не осознавала масштабов проблемы. – Премию хочешь?

Подавившись воздухом, я со скепсисом уставилась на начальника. Нет, пойти вон мне предлагали часто. За периодические опоздания ругали время от времени. За закрытые глаза на выступлениях выговаривали стабильно два раза в неделю, но чтобы премию предлагали...

Нет, такого со мной еще не было.

– Вы же меня вчера уволили? – нахмурилась я, и не думая присаживаться на стул для посетителей. Он был настолько твердым, что даже моей костлявой попе становилось больно.

– Да брось! – отмахнулся руководитель. – Кто старое помянет, тому... Иди давай, переодевайся и бегом на сцену.

– На какую сцену?! – откровенно не понимала я.

– Выступать! Что неясно-то? И это, улыбайся, Малика. Улыбайся.

В порядок меня привели минуты за две. Одели общими усилиями еще через пару минут, но никто толком так ничего и не объяснил.

– Что я должна танцевать? – спрашивала я у нашего постановщика.

– Что хочешь! – нервно отвечала она, своими руками закалывая мне шишку из волос.

– Подо что я должна танцевать? – приставала я к девочкам, что странно поглядывали на меня, стоя у станка, но они отвечали лишь перепуганно-любопытными взглядами. – Перед кем я должна танцевать?

Собственно, после этого вопроса меня и протащили за кулисы. Попытавшись выглянуть в зал, обнаружила, что та часть, что просматривалась, была пуста. Такое в моей карьере происходило впервые, но, едва зазвучала скрипка, меня просто-напросто вытолкнули на сцену. И вот там уже я замерла, похолодела, наверняка побледнела и потеряла лицо.

В зале сидел один-единственный зритель.

Верглавнокомандующий Федерации.

Имсит, которого я ненавидела всей душой.

Я стояла, глядя на него. Даже не пыталась ничего изобразить, обескураженная настолько, что любые мысли вылетели из головы. Кажется, мое сердце и вовсе не билось, а желание грохнуться в обморок и уползти под шумок было почти непреодолимым. Почти.

Мне понадобилось около минуты, чтобы собраться. Закрывать веки, сделать глубокий вдох и... Начать танцевать. Единственное, чего я так и не смогла сделать, так это улыбнуться. Нет, ему я улыбаться не буду никогда.

Мелодия закончилась, а я остановилась, но реверанс делать не спешила. Не дождется. К этому зверю я не имела ни капли уважения.

Видимо, он ко мне тоже, потому что в гулкой тишине раздалось требовательное и не терпящее отказа: «Еще!»

Музыканты заиграли вновь. На этот раз нечто резкое, мрачное, торжественное. Я даже композицию эту не знала, так что приходилось импровизировать, предугадывая, какой в даль-

нейшем станет мелодия. Устала – мышцы были напряжены даже не из-за танца, больше из-за страха, нервозности, – но после второго «Еще!» осталось место только для злости и ненависти.

Я потеряла счет композициям. В какой-то момент поняла, что вот прямо сейчас просто упаду, но сцепив зубы продолжала танцевать, признавая, что уже не попадаю в ритм, двигаюсь намного медленнее, если не сказать заторможенно. Ощущала себя деревянной. Казалось, болело все – даже язык. Неимоверно хотелось пить, от голода кружилась голова – завтрак-то я в глаза не видела, а еще тряслись и руки, и ноги.

И нет, остановиться было ниже моей гордости. Лучше сдохнуть прямо на сцене, чем уступить, признать за ним выигрыш. За всем этим стояло нечто большее. Меня ломали – намерено и с особой жестокостью, а я ломаться никак не желала.

– Хватит! – прозвучал ненавистный голос где-то далеко-далеко.

Пульс стучал в ушах. Я громко дышала, так что с трудом расслышала этот приказ. Расслышала, но не остановилась, потому что знала, что упаду. Как только остановлюсь, упаду.

– Я сказал: хватит! – повторил он громче, вынуждая вздрогнуть.

Наверное, я остановилась только потому, что мужчина неожиданно поднялся. По той же причине и не упала – закаменела, взглядом следя за тем, как он выходит с третьего ряда и направляется к сцене.

«Бежать!» – мелькнула здравая мысль.

«Хотя бы ползти!» – ответило изнеможенное тело.

«А давай сбросим его в оркестровую яму?» – предложило сердце, и я зацепилась за эту идею, как за спасение и одновременно акт такой желанной мести.

– Тебе было настолько трудно поклониться мне? – спросил верховнокомандующий едко, с презрением оглядывая меня с ног до головы.

Темноволосый мужчина замер у лестницы, ведущей на сцену, и подниматься пока не спешил, давая мне рассмотреть себя во всей красе. Черные брюки, голубая рубашка, молочного цвета пиджак. Его руки были сложены на широкой груди, выказывая недовольство.

Легкая небритость, упрямо сжатые губы, выраженные одной только линией. Скулы застроились, выдавая в нем хищника. Об этом же кричали глаза, в радужках которых плавилось, переливалось серебро, опасно сверкая. Этот имсит был не зол, нет. Он пребывал в самой настоящей ярости.

Я молчала. Тряслась – то ли от страха, то ли от усталости, – но молчала, не собираясь говорить ни слова. Да и не смогла бы произнести ничего внятного, а он ждал. Ждал и отступить не планировал.

– Значит, трудно... Хорошо. Я поучу тебя манерам, – зловеще улыбнулся РиАнт Арль. – Завтра в это же время. Не явишься – пеняй на себя.

Он направился к выходу столь стремительно, что мой взгляд едва ли поспевал за ним. Массивная дверь захлопнулась со страшным грохотом, а я все-таки упала без сил. Упала и подняться больше не смогла.

Глава 4: В объятиях хищника

Малика

Наверное, каждая маленькая девочка где-то глубоко в душе желала однажды проснуться в сказке. Ночами обнимая подушку, мечтала с закрытыми глазами о новом, совсем другом мире, где будет ярко светить солнце, а проблемы исчезнут лишь с одним взмахом волшебной палочки.

Я мечтала. Потому и не сразу поняла, что уже проснулась, а не продолжаю пребывать в дивном сне. О том, что это не сон, мне тонко намекнул незнакомый мужчина, чье лицо украшала аккуратная треугольная бородка, а дорогой костюм прятался под белым халатом.

– Не вставайте, не вставайте! Я еще не закончил! – поторопился он сообщить, в несколько шагов преодолевая расстояние от двери до кровати, на которой я лежала, уютно укрытая одеялом по самый подбородок.

Кровать была роскошной – большая, с резными деревянными ножками и темным балдахином, закрывающим комнату с одной стороны. Собственно, здесь все было роскошным. И шкаф, мирно занимающий всю противоположную от кровати стену. И комод, стоящий по правую сторону – у окна. И прикроватные тумбы, и даже камин, который с трудом проглядывался через темную ткань балдахина. Рядом с этой поистине удивительной конструкцией, недоступной для многоквартирных домов-коробок, пристроилась чья-то шкура.

Правда, больше меня поразила не мебель, и даже не дорогие тяжелые портьеры, удерживаемые сейчас золотыми канатами с кисточками. Меня поразили две картины, словно венчающие комод. На полотнах были изображены девушки, прикрывающие свою наготу длинными распущенными волосами. Еще в комнате нашлась пузатая напольная ваза, облюбовавшая свободный угол. Кажется, цветы в ней были неживыми, однако и этот факт оставил во мне лишь скупой интерес. Любопытство же мое выиграло по полной при виде зеркального потолка.

Еще не до конца отдавая себе отчет в том, где я нахожусь, вежливо поинтересовалась:

– Простите, а зачем здесь зеркальный потолок? Так ведь неудобно на себя смотреть, когда одеваешься.

Дядечка, сосредоточенно распаковывающий небольшую коробку, на мгновение поперхнулся воздухом и перевел на меня странный взгляд. Такого же взгляда удостоился и потолок, а я впервые видела, как краснеют мужчины в зрелом возрасте. Лет ему было, наверное, как моему отцу.

– Думаю, этот вопрос вам лучше задать хозяину дома, – криво улыбнулся мне собеседник, все-таки доставая флакон с прозрачной жидкостью и пульверизатором.

– А кто у нас хозяин дома?.. – спросила я и вдруг застыла, чувствуя, как от страха расширяются глаза. В один момент я вспомнила абсолютно все, и пальцы сжались в кулаки, а ногти до боли врезались в ладони.

– Закройте, пожалуйста, глаза. Мне необходимо обработать... – где-то на периферии сознания продолжал вещать доктор, но я уже отбросила одеяло в сторону, чтобы с ужасом сорвать его с кровати и прикрыть все то, что кто-то успел избавить от одежды.

Да на мне, кроме белья, больше ничего не осталось!

– Не подходите! – заорала я, высматривая, чем бы вооружиться.

Пока лежала, чувствовала себя нормально. Разве что незначительная слабость разливалась по телу. Однако стоило мне только подняться, как разом закружилась голова, а меня затрясло от перенапряжения. Я знала эти симптомы. Такое часто случалось, когда я выбивалась из сил, занимаясь гораздо больше положенного времени, не делая перерывы на отдых, но...

Что я делаю здесь? И самое главное – где это «здесь»?

Схватив кочергу, я вооружилась ею на манер меча и начала медленно продвигаться к двери, не спуская глаз с ошеломленного доктора. Хоть он и был человеком, мало ли каких финтов от него можно ждать. Когда находишься на вражеской территории, друзей у тебя нет.

– Двинетесь с места – зашибу! – предупредила я и юркнула в дверь.

Коридор за ней оказался пустым, но меня это пока не обнадеживало. Полноценно бежать я точно не могла, но из последних сил пыталась действовать максимально быстро. Направо не пошла. Все просто – там коридор заканчивался тупиком, а вот слева от меня все прямо-таки указывало на наличие впереди лестницы.

По крайней мере, темно-зеленая ковровая дорожка, сворачивающая куда-то вправо примерно посередине, намекала именно об этом. Доковыляв до этого поворота, я осторожно выглянула.

Так и есть! Широкая прямая лестница вела прямо в холл, где так маняще через высокие двустворчатые двери пробивались в помещение солнечные лучи. Квадратные окошки занимали лишь половину светлых створок, но мне и этого было достаточно. Я уже чувствовала запах свободы, уже сдалась ему в плен и...

Как-то проморгала, что между этим коридором и лестницей есть еще один коридор, отделанный балюстрадой, в котором молчаливыми статуями стояли охранники. Они не были имситами, так что мой запах почувствовать не могли, как не могли услышать и гулко бьющееся сердце.

Я вообще, честно говоря, не понимала, зачем модифицированные везде таскали за собой охрану. Они сами стояли десятка таких вот громил и в защите совершенно точно не нуждались. Для компании? Ради статуса? Чтобы было?

Увы, ответы на эти вопросы мне сейчас навряд ли чем-либо помогли бы. Время шло – наверняка доктор не будет стоять на месте, а скорее всего, вызовет кого-то или закричит, когда поймет, что в безопасности, так что шанс у меня только один. И он мне совершенно не нравился.

Сделав глубокий вдох, я подтянула одеяло повыше, собирая его руками, и выпрыгнула из своего укрытия, проносясь мимо охраны. Через ступеньки я просто перескакивала, молясь всем богам, чтобы входная дверь оказалась открыта.

– Задержать! Ловите ее! – раздалось два совершенно разных голоса, но я не оглядывалась, не тратила время на рассматривание даже при условии, что обладателя первого точно знала.

Дверь поддалась рывку, а я выскочила на каменную дорожку, осознавая, что сначала было бы неплохо понять, куда бежать, а потом уже действовать, но тут выбирать и привередничать не приходилось.

Ворота впереди играли на солнце кованым рисунком, что переплетался причудливыми узорами, будто бы деревья росли, раскинув свои изящные ветки. К ним и неслась, на ходу пытаясь сообразить, за что лучше зацепиться.

Отбросив одеяло и кочергу, я запрыгнула на ворота и предприняла попытку взобраться выше, чтобы перелезть через ворота. И вот все бы хорошо, но босиком, в одном нижнем белье, едва живая, без денег и ифона.

Мысленно я уже составляла план, где первым пунктом было раздобыть одежду, а в реальности меня схватили за самое выдающееся место.

Рукой. Крепко сжимая пальцами тонкую ткань, которая не предполагала, что когда-нибудь станет той самой вещью, которая удержит меня от побега.

Я замерла, понимая, что еще один рывок – и белье затрещит по швам.

– Милые котятка, – сделали мне сомнительный комплимент, а я хорошо осознавала, где именно этих котят нашли. – Отвернулись все!

То, как рывкнул имсит, едва не стоило мне сердечного приступа и последней одежды. Гулко сглотнув слюну, что вдруг стала вязкой, я поняла, что мне совсем не хочется оборачиваться. Вот вообще. Мне и на воротах неплохо.

– Спускаться будем? – уточнили у моего тыла, а я густо покраснела и оттого еще сильнее злилась.

– Если вы меня сейчас же не отпустите, я напишу на вас заявление! Вы не имеете права меня удерживать в своем доме! Я свяжусь с прессой! Я дам такое интервью, что еще век не отмоетесь! Я...

– Достаточно, – оборвали мою речь ледяным тоном, а меня все же отпустили, но радовалась я рано.

Через секунду створка, на которой я висела, была сорвана с петель вместе со мной. Со мной ее и понесли в сторону дома с таким видом, словно собирались переплавить и меня, и ее. У меня слов цензурных не нашлось, чтобы описать творящийся беспредел, а нецензурные решили переждать до поры до времени.

Остановился имсит лишь у самых дверей, ведущих в дом.

– Или ты сейчас же спускаешься сама, или слетаешь. Тоже сама, – блеснул серыми глазами, глядя на меня с такой улыбкой, что волосы из блонда быстренько превращались в седину. – Твой выбор? Ну же, моя ванильная девочка. Или ты умеешь дерзить и угрожать лишь тогда, когда находишься в относительной безопасности? Раскрою тебе маленькую тайну: ты нигде не в безопасности.

Уничтожающий взгляд, едкая ухмылка. РиАнт Арль был насквозь пропитан собственным превосходством. Он был уверен в своей силе, в своей власти, медленно сминая кованые детали забора, сплющивая их, тем самым спуская меня все ниже и ниже.

Делая это, мужчина неотрывно смотрел в мои глаза, наверняка наслаждаясь произведенным эффектом.

«Красуется!» – подумала попа, нашедшая приключений.

«Заигрывает!» – блеснуло знаниями сердце.

«Запугивает!» – выругалась я вслух, спрыгивая на дорожку.

– Довольны? – с вызовом спросила я, бесстрашно сложив руки на груди. Я даже плечи расправила!

– Нет, моя ванильная прелесть, – ответили мне, вынуждая скривиться.

Прямо на моих глазах модифицированный начал раздеваться, чем поверг меня в легкое смятение. Слава богу, что стриптиз закончился на пиджаке, который, к слову, был небрежно брошен на мои плечи.

– Отвратительные духи, – прокомментировала я столь щедрый жест.

– Отвратительное белье, – вернули мне комплимент и неожиданно подняли на руки.

Не заорать удалось с трудом. Сердце колотилось быстро-быстро, а я понимала, что имсит это слышит, так что все силы бросила на то, чтобы успокоиться. Не боюсь я тебя, чудовище! Не боюсь, не боюсь, не боюсь!

– Как галантно с вашей стороны, – съязвила я, отвернувшись, чтобы не видеть эту дьявольскую улыбку. Честно говоря, испытывала облегчение оттого, что идти никуда не требуется. После небольшой пробежки с препятствиями трясло меня, как дряхлую летную машину. – Бойтесь, что я сумею сбежать?

– Много чести. Тебе, – уточнил модифицированный, щекоча дыханием мою шею. – Служанку жалко. Она полы в холле только что вымыла.

– О, вам известно, что такое жалость? – притворное удивление вышло на пятерочку.

– Не обольщайся. С преступниками у меня разговор короткий, – поднимался он по лестнице, утаскивая наверх и меня.

– И в чем же меня обвиняют? В том, что я испортила верглавнокомандующему Федерации вечер и утро?

– И ночь, – добавил РиАнт Арль, спуская меня на ноги перед дверью, из которой я вышла десять минут назад. – Придется платить по долгам.

– Чем? – почему-то спросила я вместо того, чтобы изо всех сил отпираться.

Где-то глубоко-глубоко я уже знала, что не выйдет. Меня раскусили по всем фронтам, но пока не понимают, что за этим стоит. Это-то и хотят узнать.

– Ответами, моя ванильная прелесть, – потрепали меня по щеке, заправляя за ухо светлую прядь, но тон мужчины резко поменялся, как и его взгляд. – Живо. В комнату.

А я... непроизвольно дернувшись, я осталась стоять на месте.

– Знаете что? А потрудитесь-ка объяснить, что я здесь делаю?

– Пытаешься не сдохнуть, – очень информативно ответили мне, не скрывая угрозы. – Второй раз повторять не буду.

Обратно в комнату я влетела. Исключительно от греха подальше. Даже в постель сама забралась под удивленным взглядом вскочившего с кресла доктора. И нет, я совершенно не была ни покладистой, ни послушной. Просто так близко от модифицированного я не стояла еще ни разу в жизни, и это серебро в его глазах, что нарастало с каждой секундой...

Инстинкт самосохранения оказался гораздо сильнее моего упрямства, а напускное бесстрашие молниеносно превратилось в страх.

– Приступайте, – скомандовал РиАнт Арль, останавливаясь в двух шагах от кровати.

Взгляд его прямо-таки пригвождал меня к постели, и даже то, что я прикрылась подушками и его пиджаком, не помогало. Правда, средства защиты пришлось убрать, чтобы доктор мог произвести обработку.

– Это что? Лека-Спрей? – поразила я собственной догадке, на мгновение распахивая веки.

В данный момент доктор опрыскивал меня с ног до головы, а я не могла понять, чем удостоилась такой чести. Оба мужчины отвечать не торопились, но это и не нужно было. На моих глазах шрам в виде сидящей кошки, венчающий бедро, просто исчез. Затянулся, обрastaя идеально-ровной кожей. А ведь этот шрам я вырезала сама, когда мне было одиннадцать. Иголкой, раз за разом царапая выбранное место.

Недоумение явно прекрасно читалось на моем лице, однако меня со всей присущей имситах хладнокровностью игнорировали. А ведь это деньги! Огромное количество денег! Купить даже маленький флакончик этого препарата могли себе позволить разве что сами модифицированные. С чего такие траты?

Чувствовала, что счет мне предъявят очень даже скоро.

– Вы не могли бы... – начал говорить доктор, обращаясь ко мне.

– Белье, – сухо отчеканил верглавнокомандующий, продолжая убивать меня взглядом.

– Да сейчас! – огрызнулась я, вновь прикрываясь подушками.

– Мне самому снять? – спросили у меня, скептически приподняв широкую бровь.

– Господин Арль, я думаю, что подобные меры...

Доктор был тут же удостоен убийственного взгляда, а я хоть на секунду смогла спокойно дышать. Честное слово, такое давление выдержит далеко не каждый. Вот и доктор быстро пошел на попятную:

– Раздевайтесь.

– Вы тоже, – предложила я, крепче прижимая подушки.

Повисло молчание. Казалось, в этой тишине было отчетливо слышно, как скрипнули чьи-то зубы, но я не сдавалась. Правда, смотрела исключительно в сторону, потому как жить очень даже хотелось.

Не знаю, насколько бы хватило терпения у имсита – мое уже подходило к концу, – но тут раздался звонок чужого ифона. Переглянувшись с доктором, мы посмотрели на модифицированного.

– У вас три минуты. К моему возвращению все должно быть сделано, – приказал он и в три шага вышел из спальни, пока я провожала его взглядом, наполненным ненавистью.

– Давайте флакон, – протянула я руку, едва дверь за мужчиной закрылась. – Что? Вы же слышали приказ. Я все сделаю в ванной.

В том, что ванная комната здесь имеется, сомнений не возникало. Две двери, расположенные по сторонам от камина, наверняка предполагали ее наличие. Правда, попала по адресу я только со второй попытки. За ближайшей дверью скрывался кабинет.

Дурой я не была. В ряды активистов время от времени попадали самые разные люди, в том числе и талантливые химики, но еще никому из них не удалось раскрыть состав «Лека-Спрея». Просто потому, что в руки нам этот спрей еще ни разу не попадал, а купить его для опытов мы не могли – я таких денег ни разу в жизни в глаза не видела.

Разве я могла не воспользоваться случаем? Это же настоящая удача!

Первым делом я заперла на щеколду дверь. На полках в этом ванном беспределе стояло огромное множество флаконов, баночек и бутылочек. Включив воду, сгребла первый попавшийся бутылек и открыла его, выплескивая в огромный круглый бассейн его содержимое. Промывала несколько раз, тихо ругаясь появляющейся пене. Но это было полбеды.

Убедившись, что лишней воды внутри нет, я осторожно открыла флакон с пульверизатором и перелила бесцветную жидкость, боясь в ее сторону даже дышать. Теперь надо было спрятать находку. Самый оптимальный вариант – поставить на место на полку, но так был шанс, что флакон используют. Пришлось прятать в полку с полотенцами – навряд ли все четыре высокие стопки используют в ближайшее время, так что этот вариант мне нравился больше.

– Вы там скоро? – постучался доктор в дверь, добавляя паники.

– Одну минутку! – крикнула я, закручивая пульверизатор. – Я одеваюсь!

Честное слово, не иначе как чудом я успела схватить с полки одно из полотенец, прикрываясь им, когда дверь просто вынесли с петель. Я так и замерла, открыв рот, а невозмутимый имсит вошел в ванную и забрал из моих рук пустой флакон.

– На выход, – скомандовал он, и я пулей пронеслась мимо, но дальше спальни не ушла, хотя попытка имелась!

Просто едва я вылетела в коридор, меня тут же развернули и втокнули обратно двое охранников. Я так и замерла на пороге, наблюдая за тем, как две девушки в одинаковых темных платьях перестилают постель. Рядом с кроватью стоял столик на колесах, сервированный к обеду. Кроме пустой тарелки наличествовали еще четыре заполненные разными блюдами, а в пару к двум бокалам шли графины с водой и чем-то красным.

И вот я бы устояла, сдержалась, но мой желудок выдал такую голодную руладу, что не услышал бы ее только глухой. Щеки мои вмиг загорелись от чувства стыда, подавить который я была не в силах.

– Ты использовала весь флакон? – спросили в шаге от меня, а я едва не подпрыгнула от испуга, настолько бесшумно ко мне подкрался имсит.

– Да, – честно соврала я, глядя ему в глаза. – А что? Нельзя было?

– Просто спросил, – неожиданно ответили мне, отводя взгляд.

Я на всякий случай сделала шаг в сторону. И еще один, чтобы максимально увеличить расстояние между нами.

– Там комод, – не глядя подсказали мне, но я уже и сама нашла его бедром, невольно взыв.

– Я оставил рекомендации, – отчитался доктор. До этого момента мужчина сосредоточенно писал что-то, сидя в кресле. Сейчас же явно намеревался нас покинуть.

– Все свободны, – кивнул модифицированный, и всех моментально сдуло ветром. Я тоже попыталась, но, как и в первый раз, меня развернули в дверях. – Так и будешь стоять?

– А что мне делать? – озадаченно поинтересовалась я.

– Варианта два. Хотя нет, три, – прислонился он плечом к дверному косяку, сложив руки на груди. – Первый – я тебя пытаю, и ты мне все рассказываешь. Второй – я тебя кормлю, потом пытаю, и ты мне все рассказываешь...

– А без пыток никак нельзя? – перебила я, ища пути к отступлению. Очень мне понравилось окно – широкое такое, открыть опять же легко.

– Вариант третий, – ничуть не сбившись, продолжил имсит. – Ты ешь, ложишься в постель, а вечером сама мне все рассказываешь.

Он еще не успел договорить, а я уже оказалась под одеялом и придвинула к себе ближе столик, хватаясь за вилку. Тихий смешок разнесся по комнате, но есть я пока не начинала. Ждала, когда меня оставят в одиночестве.

– Но если ты станешь юлить или отнекиваться, мы вернемся к пыткам. И поверь, моя ванильная прелесть, мне они очень понравятся. Из комнаты не выходить. Попытаешься сбежать... Впрочем, попробуйся.

Дверь за ним закрылась, а я так и осталась сидеть, вооружившись вилкой. И вот страшное же оружие – один удар, четыре дырки. А еще на столике лежал нож. А еще...

Дверь внезапно открылась, а на кровать полетела моя сумка – та самая, которую я оставила в особняке Арль.

– Твое, – припечатал РиАнт Арль, едко улыбаясь одним уголком губ.

И даже после того, как дверь снова закрылась, я ощущала на себе его взгляд. Жуткий взгляд, на самом деле. Этот взгляд говорил, что РиАнт знает обо мне все и даже больше.

Глава 5: Одержимые

РиАнт

Сложно.

Сложно не делать ошибок, но еще сложнее исправлять ошибки прошлого. Особенно когда эти ошибки чужие. Свои ошибки человек может со временем осознать, понять, принять в конце концов, а чужие... Увы, но невозможно заглянуть к кому-то в голову, и именно этой сверхспособности РиАнту не хватало больше всего.

Впервые в жизни он так сильно хотел узнать, что творится у кого-то в голове. Эта тяга была настолько живой, что ярко пахивала одержимостью. Ант привык если не знать, то хотя бы предполагать, о чем думает противник, чем живет, какие эмоции испытывает. Обычно ему было достаточно лишь подметить детали, как противник раскрывался перед ним, словно книга.

На этот раз все было с точностью до наоборот.

Он не видел в ней угрозу. В балерине, что танцевала на сцене так страстно и с жаром. Верглавнокомандующий в принципе, наверное, впервые видел, чтобы балет танцевали так. Привычнее всего ему было бы наблюдать постное выражение лица с приклеенной улыбкой и заученные движения, за которыми редко скрывалась душа.

Да, пожалуй, так ему было бы гораздо комфортнее, но о комфорте он позабыл в тот самый миг, когда на сцене появилась она – Малика Торль, девушка-загадка и его личный стусок пылающей ненависти.

То, как она на него смотрела...

Страх! Он чуял его, видел его в ее глазах, в той скованности, что заняла ее тело. Подобная реакция его ничуть не удивила. Имситы всегда вызывали у людей обоснованный страх, так что ее эмоции могли даже польстить. Да только долго это не продолжалось.

Отрешившись от ситуации, напрочь игнорируя его присутствие, Малика Торль танцевала, а он думал. Глядя на нее, на ту ненависть, что исходила от нее, РиАнт думал над тем, почему на нее нигде нет информации. Не рождалась, не училась, не была зарегистрирована ни на первом, ни на втором уровне.

Даже проверку на совместимость в восемнадцать не проходила. Все, что верглавнокомандующий знал о ней, так это то, что ее звали Малика Торль и она работала в театре. По документам работала, а по общей базе – нет.

Именно это несоответствие и навевало невозможные по своей сути мысли. Кто-то смог забраться в программу, подобрать коды, расшифровать которые со дня смерти автора «базы» до сих пор не смог ни один имсит. В этой базе хранилась вся информация абсолютно обо всех, поступая в онлайн-режиме, и затереть, удалить, перекодировать ее не мог никто. Камеры, военные объекты, документы, люди – все было там, а ее...

А ее там не было.

Это означало, что она знает того, кто способен управлять базой. Пожалуй, это и было самое важное. Важное в его – Анта – скрытой борьбе с отцом.

РиАнт Арль не считал себя хорошим правителем. Больше того, его отец в его глазах был самым худшим правителем на все времена. Будь его воля, он бы ни за что не занял пост верглавнокомандующего вслед за ним. Просто потому, что осознавал, как много ему предстоит сделать, как много изменить, а это не год и даже не два.

Но он занял, руководствуясь принципом «Хочешь сделать хорошо – сделай сам». Не видел другого выхода на самом деле, потому что то, что творил его отец, не поддавалось никаким объяснениям. Люди, простые люди оказались загнаны в ловушку нищеты, стали фактически бесправными рабами, приносящими семьям имситов богатство. Тех денег, что лежали на счетах только его семьи, хватило бы на то, чтобы купить целиком планету, а люди в это

время выживали. Если и дальше так пошло бы, то вскоре ситуацию контролировать уже не получилось бы.

Трудно. Верглавнокомандующему Федерации было трудно действовать за спиной отца. Номинально он уже стал правителем Земли, а вот фактически – разделял власть с бывшим руководителем, иногда не имея возможности контролировать выпускаемые им законы или поправки. Анта о них просто не уведомляли, и оттого и узнавал он уже все по факту, невероятно злясь.

Хотел бы... Да, если бы мог, то уже давно бы отправил отца далеко и надолго, но не мог себе позволить действовать впопыхах. Его отец был совсем не тем противником, с которым можно столкнуться и запросто выиграть. Нет, РиАнту приходилось действовать максимально осторожно, подрывая авторитет, власть и уверенность отца. Постепенно он менял и команду, перетягивая тех, кто готов был служить и умереть ради него, Анта, а не ради главы семьи Арль.

Каждый день знаменовал новый шаг на пути к победе, и если эта девочка знала что-то, что могло помочь ему быстрее одержать победу... Верглавнокомандующий Федерации тоже должен был это знать.

– Еще, – скомандовал он, глядя на балерину в упор.

С чего такая ненависть? С чего такое пренебрежение? Следуя правилам выступлений, она должна была сделать реверанс вначале, она должна была попрощаться с ним после танца, но не сделала ни того, ни другого.

Выбесила. Это слово лучше всего сейчас описывало его состояние. Нет, он бы мог объяснить свои действия необходимостью. Чем больше она устанет, тем хуже будет держать себя в руках, тем легче ему станет анализировать ее поведение, но...

На самом деле Малика Торль его просто выбесила. А еще его невероятно злил ее запах. Проклятый аромат ванили, что, казалось, забился ему в нос, оплел легкие, пропитал собою весь зал. Он дышал им и с каждой пройденной секундой понимал, что не может надышаться.

Мало.

Ему хотелось... Нет, не подойти поближе. Подорваться, схватить ее и убедиться, что источником его сумасшествия является именно эта девушка.

А еще хотелось быть как можно дальше отсюда, но желание выяснить, что эта танцовщица делала в доме его родителей, в его кабинете, было гораздо сильнее. А она была там. Именно она. Этот въедливый аромат он не спутал бы ни с каким другим, даже если бы все вокруг вдруг пропахло ванилью.

Нет... Так пахла только она.

Упрямая, неуправляемая, насквозь пропитанная ненавистью!

– Я сказал: хватит!

Она умудрялась вывести его из равновесия одним своим присутствием. И это его – имсита, что славился умением маневрировать эмоциями и легко брать их под контроль. Как? Как ей это удавалось?

Поднявшись на ноги, он был уже вне себя от ярости. Вот что ей стоило поклониться ему? Глядя на нее, он понимал, что это дело принципа. Такая мелочь, такая нелепость, не значащая ровным счетом ничего, но Анта едва ли не подкидывало от злости.

– Тебе было настолько трудно поклониться мне? – спросил верглавнокомандующий, оглядывая девушку с ног до головы. Знал: она не ответит. Да она на ногах еле стояла, но стояла, не желая признаваться в собственной слабости. И зачем? Назло ему! – Значит, трудно... Хорошо. Я поучу тебя манерам. Завтра в это же время. Не явишься – пеняй на себя.

Зачем он это сказал? Почему не захотел решить все прямо сейчас? Ему даже руки марать не пришлось бы. Хватило бы одного приказа, чтобы она оказалась на допросе. Хватило бы часа, чтобы он узнал все, но...

Его поступок и ему самому казался нелогичным. Вместо того чтобы уже три часа как находиться в министерстве, он просидел это время в театре, выясняя степень упрямства и ненависти одной странной особы. Просидел, а теперь едва ли держал себя в руках, так что о разговорах и речи не шло. Еще и сумка эта с пуантами. Зачем он таскает ее с собой?

Впрочем, никому другому Малику он поручать не хотел, потому и намеревался прийти сюда завтра. Сегодня ему хватит и того, что за ней проследят.

– Ардам, стой, – приказал Ант, уже стоя за дверью.

Нет, ему не показалось – РиАнт отчетливо слышал грохот. Заглянув снова в зал, он увидел, что куколка лежит без движения. Увидел и вмиг похолодел, испугался, осознавая, какую ошибку совершил.

Люди не имеют такой выносливости, они не могут не есть, не спать, не отдыхать сутками напролет, а он об этом просто забыл. Просчитался! Да и разве мог он подумать, что она держится на чистом упрямстве? Нет, он видел, что она устала, но не настолько же, чтобы потерять сознание. По крайней мере, при нем она себе эту слабость не позволила.

Странно, но этот факт разозлил его еще больше.

– Господин, не подходите, – предупредил его начальник охраны, но Ант уже взлетел на сцену, одним своим присутствием прогоняя сбежавшихся зевак.

Никому ничего не объяснял. Молча забрал девушку с собой, увозя на летной машине в свой особняк, где строители уже заканчивали ремонт. Слышал ее дыхание – к его собственному стыду, именно оно его и успокаивало. Точнее, только оно и успокаивало, потому что, глядя на нее, лежащую у него на коленях, в его объятиях, РиАнт Арль чувствовал нарастающее волнение, которое ни объяснить, ни подавить не мог.

Кто заставлял его касаться пальцами ее лица? Обрисовывать контур, запоминать черты и смотреть на дрожащие ресницы? Кто вынуждал его все сильнее сжимать ее в объятиях? Жадно вдыхать аромат ванили и тихо сходить с ума, секунду за секундой утрачивая контроль.

Никто.

Это он сам склонился над ней, ловя губами ее тихое дыхание, слушая сердце, что воевало ему в такт. Серебро в его глазах плавилось – он видел отражение в стекле, видел самый главный свой страх. Больше всего на свете верховнокомандующий Федерации боялся утратить свою человечность и уподобиться отцу, а рядом с ней его человечность таяла на глазах, уступая место монстру, чудовищу, которое знало лишь одно слово.

Мое.

Летное авто вызванного доктора уже стояло на парковке перед домом, когда автомобиль завернул на подъездную дорожку. Ант даже испытал облегчение, имея возможность хоть ненадолго передать свою ношу кому-то другому.

Но сделать этого не смог.

Так и замер перед охранником, что по его же приказу намеревался перехватить и отнести девицу в особняк.

– Я сам, – процедил Ант сквозь зубы, не узнавая собственный голос.

Будь его воля, он бы сбросил ее на кровать в единственной уже законченной спальне, но, противореча собственным мыслям, бережно уложил в постель и сам же раздел, снимая этот дурацкий костюм, не позволяя никому прикоснуться к девчонке.

Самоконтроль трещал по швам. Верховнокомандующий слышал свое шумное дыхание, чувствовал, как барабанит пульс. Что с ним? Отравили? Может, заболел?

Ослабив удавку галстука, он молча кивнул доктору, чтобы тот приступал к осмотру. Не хватало еще, чтобы эта колючка умерла из-за его оплошности. Да и вообще, выглядела она неважно. Ант любил фигуристых девушек, а у этой из выдающегося только кости. Впрочем, на этих костях местами даже что-то имелось...

Мотнув головой, чтобы прогнать непрошенные мысли, РиАнт быстрым шагом покинул свою спальню, а выйдя в коридор, зашел в соседнюю, где ремонт только-только начался. Здесь не было мебели – мужчина купил особняк совсем недавно, потому что уже не мог жить под одной крышей с отцом, – но наличествовало кое-что другое.

– Вон! – коротко приказал он рабочим и, едва дверь за последним закрылась, швырнул в стену попавшую под руку стремянку.

Вслед за ней полетели банки с красками, керамическая плитка, цемент и много чего еще. Когда эмоции поутихли, а в комнате не осталось ничего, до чего бы имсит не дотянулся, он уже представлял собой нечто совсем не похожее на верглавнокомандующего Федерации. А еще...

Где-то глубоко в душе Ант надеялся, что колючка от грохота уже проснулась.

– Макс, прикажи ребятам внизу, чтобы принесли мои чемоданы.

– Отменить аренду пентхауса, господин? – уточнил охранник, и вовремя.

Мужчина уже забыл, что собирался сегодня ночевать в другом месте. Увы, в его планы ворвался аромат ванили, что фактически сносил ему крышу, и ни о чем другом он думать уже не мог.

– Отмени. Я заночую сегодня здесь. И скажи Кларе, чтобы заказала доставку продуктов и срочно нашла мне повара и прислугу.

– Насколько срочно, господин? Госпожа Клара звонила вам уже больше двадцати раз и просила напомнить, что у вас сегодня заседание, интервью для еженедельной газеты, визит на металлургический завод и вечеринка по случаю дня рождения главы семьи Рийоль.

– Все отменить. У меня отпуск. По состоянию здоровья, – на ходу придумывал Ант, понимая, что в таком состоянии не может появиться нигде. Да что там нигде? Он из особняка-то выйти не мог. Поправочка: не хотел. – Насчет прислуги – полчаса максимум. И позови ко мне доктора. Я буду в библиотеке.

Библиотека тоже уже была готова. Предполагалось, что в этом помещении будет кабинет, поэтому в небольшой каморке установили отдельный санузел, но кабинет Ант перенес на место гардеробной. Ему и шкафа хватало, а работать гораздо удобнее, когда рядом кровать. Как оказалось, душ установили не зря.

Переодевшись, мужчина вышел к доктору. Слушал внимательно – действительно переживал, что по неосторожности мог нанести непоправимый вред этой упрямой девчонке, так что «предварительный диагноз» его успокоил.

Изнеможение, усталость, истощение. Без соответствующей аппаратуры доктор мог предположить заболевания желудочно-кишечного тракта. Все остальное только по приезду в клинику и после полного осмотра, однако верглавнокомандующему и этого хватило.

– У вас есть при себе «Лека-Спрей»?

– В машине, но я думаю, что в этом нет необходимости.

– Не думайте, – коротко посоветовал ему Ант, пальцами барабана по подлокотнику кожного кресла. – Доктор, вам приходилось когда-нибудь работать с модифицированными?

– У меня обширный опыт.

– Я хочу, чтобы вы осмотрели меня.

– Вас? – удивился собеседник, нервно пригладив треугольную бородку. – Но позвольте, модифицированные не болеют – это всем известно. У вас ранение?

– Да. Прямо в голову, – едко ответил хозяин особняка, взглядом пробегая по стеллажам с книгами. Ант любил читать, но времени на это увлечение в последние месяцы не хватало катастрофически. – У меня странные симптомы...

Осмотр занял всего пару минут. Еще меньше доктор выслушивал своего пациента, в то время как взгляд мужчины становился удивленным. За свою обширную практику он еще ни разу не встречал подобной болезни не то что у модифицированных, даже у людей. Правда, некое предположение сформировать все же сумел.

– Не подумайте ничего плохого, господин Арль, но мне кажется, что так себя проявляет пресловутое влечение. Понимаете, люди испытывают влечение, когда... – осторожно подбирал доктор слова.

– Я знаю, что такое влечение, – угрюмо пробормотал РиАнт.

– В таком случае вы должны понимать, что ваше поколение подвластно эмоциям сильнее, чем, например, ваш отец. Считайте, что вы испытываете то, что испытал бы человек, если бы вдруг его чувства усилились втрое.

– Я повторяю: я знаю, что такое влечение. Обработайте девушку «Лека-Спреем». Я подойду чуть позже.

О да... Ант прекрасно знал, что такое влечение к противоположному полу, но то, что он сейчас испытывал, и рядом с этим чувством не стояло. Инопланетная магия? Приворот? Какое-то химическое оружие?

Какой бы ни была причина, РиАнт отчетливо понимал только одно: он не может сидеть в этом чертовом кресле, зная, что эта колючка сейчас лежит в его спальне, в его кровати.

Пожалуй, только отвратительное белье, не имеющее ничего общего с теми сексуальными комплектами, которые ему довелось видеть и даже снимать, и возвращало мужчину на грешную землю.

Нет, этот доктор однозначно шарлатан. Какое, к черту, влечение? Да он же с ума сходит!

Приложив пальцы к переносице, Ант потерял ее, словно ощущал головную боль, и как же он в этот момент был прав! Всего через несколько минут он убедился, что ему в руки свалилась самая настоящая головная боль.

Точнее, сваливаться-то девица с ворот как раз и не хотела. Разозлившись, мужчина выдрал кованую створку и понес ее к дому прямо вместе с обескураженной беглянкой.

О Боги! Дайте ему развидеть это белье! Кто вообще носит такое? Ей же не двенадцать!

У Анта все внутри переворачивалось от каждого ее слова, от каждого жеста. Бросив смятую створку прямо на клумбу, он взял девицу на руки и тут же пожалел. От ее волос шел этот сладкий, удушающий аромат. Думать?

Да он с огромным трудом себя контролировал, и, пожалуй, ее наглость, ее едкие фразочки и давали ему возможность оставаться на плаву, а не тонуть в пучине личного безумства, где злость переплеталась с желанием, ярость горела в огне ревности, а накрывающая страсть смешивалась вместе с бессилием.

Он. Хотел. Ее. Поцеловать.

Исключительно чтобы заткнуть. Однозначно чтобы заткнуть!

Обманщица? Воровка? Предводительница активистов?

Сейчас он бы простил ей что угодно, лишь бы она не смотрела на него волком. А еще чтобы все-таки замолчала, потому что модифицированный был на грани. На грани того, чтобы выгнать доктора и вплотную заняться то ли допросом, то ли ее воспитанием.

И как же вовремя зазвонил его личной ифон!

Увидев, что это из лаборатории, РиАнт спешно вышел в коридор. Не иначе как от соблазнов подальше, потому что угроза раздеть эту занозу так и вертелась в его мыслях. Вслед за ней появлялись чертовы котята, которых он самолично уничтожал, разрывая на куски.

Пора было признать: верглавнокомандующий Федерации, словно мальчишка, потерял благоразумие. Да что там благоразумие? Кажется, он где-то посеял весь мозг.

– Что-то срочное? – уточнил Ант, выходя из коридора на небольшой полукруглый балкон.

Вид отсюда был поистине волшебный. Нет, понятное дело, что внизу находился сад, разделенный на цветник, зону отдыха и бассейн, но дальше... За забором стеной шел необъятный лес, высаженный здесь рукотворно.

РиАнт специально купил участок почти на окраине Верграйза, потому что испытывал слабость по отношению к дикой природе. Раньше зеленые леса свободно располагались на первом уровне, но заводы, экология, вырубка...

Спустя сто лет деревья выращивали в специальных заповедниках и перевозили на второй и третий уровни, пересаживая в искусственно созданную почву. Благо место и условия позволяли. Хотел бы... Да, хотел бы он уже сейчас перебраться на Касио – искусственно созданную планету, копию Земли, что существовала сто, а то и двести лет назад.

Она была почти не тронута человеческой рукой. Ее создали как щит между Землей и остальным космосом, чтобы не подпустить инопланетные расы близко к планете. Космическая военная академия и центральная станция находились именно там. Мало-помалу на Касио строился первый город, но уже сейчас семьи модифицированных были убеждены, что вскоре переберутся туда.

Оставалось самое сложное – организовать работу так, чтобы можно было управлять Федерацией дистанционно, лишь изредка прилетая лично. Фантазии? Возможно, но у РиАнта был план, воплощением которого он и занимался последние месяцы.

– Да, господин Арль, – дрожащим голосом произнес управляющий его личной лабораторией на Касио. – Сыворотка готова. Запускать проверку на подопытных?

– Запускай, – выдохнул Ант, еще до конца не веря в услышанное.

– Вы прилетите?

– Постараюсь быть как можно скорее.

Это был прорыв! Его первая большая победа над временем, над разделением на монстров и людей и, в конце концов, над прошлым. То будущее, которое было возможно благодаря этой сыворотке, навсегда изменит мир.

Ант никогда не забывал, для чего были созданы модифицированные изначально. Люди изменили ДНК своих же сородичей для того, чтобы противостоять внешней угрозе – инопланетным расам, что пожелали захватить Землю, – но никак не рассчитывали, что бездушные монстры, фактически беспощадные солдаты очень быстро пленят их собственный мир.

Модифицированные не только поставили на место всех желающих внеземных созданий, но и смогли заключить с ними первый договор, а дальше...

Дальше никто и глазом не успел моргнуть, как вся власть так или иначе оказалась в руках имситов. Одни поработали мир, объединяя города, страны, стирая разделение на расы, стирая любые различия между людьми по всей планете, а другие смотрели в будущее и занимались созданием сыворотки, которая могла бы изменить ДНК людей, наделяя их сверхспособностями, но при этом не лишая эмоций, не видоизменяя внешне, не превращая в монстров снаружи, а давая возможность спрятать их изнутри.

Второй идеальный ген был создан. Отец Анта был одним из тех, на ком опробовали новую сыворотку. Получив сверхспособности, он почти полностью лишился эмоций, хотя кое-что в нем все же осталось. Жестокость, хитрость, презрение, высокомерие, острый ум и жадность – непередаваемый коктейль, где вишенкой является безграничная любовь к власти.

Наверное, Ант бы сам уничтожил себя, если бы все это передалось ему в том же составе. Но нет, эмоции у мужчины не просто были, они были даже гораздо ярче, чем человеческие, хотя при необходимости верглавнокомандующий легко брал их под контроль, становясь жестоким, холодным и собранным.

Да, так было до появления в его жизни Малики Торль.

При воспоминании о девчонке РиАнт скривился и едва не раздавил ифон, который продолжал держать в руке. Рядом с ней его разрывало на части, но кто знает, может, следующему поколению повезет больше. И нет, он не занимался созданием в лаборатории третьего идеального гена – это было попросту невозможно по ряду причин.

Его лаборатория занималась разработкой сыворотки, которая меняла бы людей, лишь временно предоставляя им сверхспособности без особого вреда для организма и нервной системы. Имситы не вечны, а их амбиции слишком губительны для того, чтобы еще раз создавать им подобных. Ант надеялся, что когда-нибудь модифицированные выродятся или гены со временем в детях их детей станут слабее, и вот тогда эта сыворотка будет необходима человечеству, чтобы защищаться от инопланетных рас.

А они нападут. Это лишь вопрос времени. Во всех живых существах так или иначе природой заложена тяга к неизвестному. Не зря раньше говорили: «Лучше там, где нас нет», и неизменно тащились проверить.

Если бы выдавали награды за терпение, РиАнт Арль собрал бы все медали и кубки. Ему не хотелось оставлять Малику одну. Да, в особняке было полно охраны, которую он выставил в том числе и у дверей спальни, уже прибыла прислуга – девушки ловко перестелили постель и доставили обед с кухни, где всюду трудился новый повар, – но нет. Неправильная формулировка.

Ему не хотелось оставлять Малику без себя, однако верглавнокомандующий понимал, что его душевное состояние подвергается огромной угрозе. Мужчина лет с четырнадцати не терял контроль над собой, а теперь остро чувствовал, как зверь пытается вырваться на свободу. Ему просто необходимо успокоиться. А еще показаться своим докторам.

Если это все же яд или влияние препарата, они смогут помочь.

Честно говоря, Ант очень сильно надеялся, что это влияние препарата. Или яд. Пусть лучше яд, чем признать собственное бессилие перед... Перед девчонкой.

– Но если ты станешь юлить или отнекиваться, мы вернемся к пыткам. И поверь, моя ванильная прелесть, мне они очень понравятся, – произнес он, едва ли не зажмурившись от удовольствия. Такая послушная, такая покладистая... Спустила миллиард испорченных нервных клеток! – Из комнаты не выходить. Попытаешься сбежать... Впрочем, попробуй.

Из особняка РиАнт выходил с улыбкой, но, уже усаживаясь на заднее сиденье летного авто, вспомнил, почему Малика вообще находится в его доме. Ее сумка с пуантами так и лежала в машине, но отчего-то он не оставил ее там. Вышел и спешно направился к дому, чтобы предъявить вещественное доказательство этой злодейке.

Правда, даже обличительную речь не придумал, потому что стоило ему ее снова увидеть, как злость вернулась с новой силой. И вот чего, спрашивается, не ест? Ждет, пока подняться с кровати не сможет, окончательно обессилив? «Лека-Спрей», конечно, творил чудеса, но из мертвых возвращать не мог.

Бесила. Настолько сильно бесила, что огромные серые глаза никак не стирались из памяти. Эти серые глаза, это обманчиво нежное личико преследовали его до самого вечера, продолжая сводить с ума.

Не помогали ни грандиозные успехи в лаборатории, ни стопка горячительного в компании друга, ни красивые, в общем-то, девушки, которые умело танцевали на сцене, исполняя вокруг шеста такие трюки, что дух захватывало. Не у него, у тех других, что сидели в зале.

Он же, словно проклятый, видел перед собой хрупкую фигуру балерины, что танцевала дико, страстно, опасно, транслируя ему неиссякаемую ненависть, убивая его каждым взмахом, каждым чертовым фуэте.

– Ненавижу... – выдохнул Ант, залпом опрокидывая последнюю стопку.

– Кого? – уточнил Ирадий, который на сцену тоже не смотрел или смотрел, но как на пустое место.

– Женщин, – честно признался верглавнокомандующий одному из пяти своих командиров.

С изумлением глядя на друга, Ирадий не поверил ему и рассмеялся. Веркомандир космической армии был скуп на эмоции, но эта шутка действительно удалась. Чтобы Ант да ненавидел женщин? Скорее уж среди имситов появятся женщины, чем такое когда-нибудь случится.

РиАнт Арль вернулся в особняк уже в темноте. Ему самому было любопытно, как долго он сможет продержаться на расстоянии от Малики Торль, но, несмотря на значительную задержку, ответ был неутешительным. Все то время, пока он убеждал себя в том, что владеет ситуацией, его мозг лихорадочно генерировал идеи, как в самый кратчайший срок добраться до особняка.

И до спальни, в которой ему предстояло провести ночь наедине с пленницей. Ну не на диване же ему спать в библиотеке? Остальные комнаты были не готовы даже наполовину, так что кровать у них на двоих была одна.

Именно так он думал, с букетом наперевес взлетая по лестнице на второй этаж особняка. То, что он оборвал собственную клумбу, вообще не укладывалось в его голове, но факт оставался фактом. Да только, едва войдя в спальню, РиАнт Арль, верглавнокомандующий Федерации, имсит, что славился своим превосходным контролем над собой, обреченно выдохнул одно-единственное слово:

– Ненавижу.

Потому что Малики Торль не было в спальне. Малики Торль не было даже в особняке или на участке.

Не было.

Но отпускать ее он был не намерен.

– Кайла? Хватит спать, Кайла! – зло отчеканил он в трубку. – Поднимай по тревоге все службы. Мне нужна Малика Торль.

Глава 6: Удача авансом

Малика

Не противник.

Сидела на кровати и со всей обреченностью понимала, что я верглавнокомандующему Федерации не противник. Да я даже за ворота его особняка выбраться не смогла, позорище. Нелегко было осознавать, но отец был прав: я еще не готова к борьбе.

Он до последнего не хотел соглашаться на мое участие, но кроме меня в этот чертов багажник летной машины действительно никто бы не поместился. Разве что кто-то из детей, но не их же было отправлять!

Прокололась. Сначала с этой сумкой, потом с поездкой в театр. Лучше бы украла у кого-нибудь кошелек, чем попала в лапы этого монстра вот так нелепо.

Ненавижу!

И глаза его страшные ненавижу, и эту едкую ухмылку, и идеальный костюм, стоимость которого наверняка приравнивалась к стоимости целой квартиры на первом уровне. Я ненавидела его всего, целиком и полностью, но не признать его правоту не могла.

Мне нужно было поесть. Мне было необходимо выспаться. А еще подумать над тем, каким именно образом бежать. То, что я не могла здесь оставаться, было так же ясно, как и день, но главное я слышала: он вернется вечером, а значит, я могла и поесть, и даже поспать. Силы мне точно понадобятся.

Такого роскошного обеда у меня не было уже очень давно. Питались мы с отцом просто и без изысков, потому что почти все заработанные деньги уходили на поддержку активистов и логова. Каждый план нашей подрывной деятельности тоже требовал затрат и вложений, но я не жаловалась. Я знала, ради чего мы это делаем, а остальное было не так важно. В конце концов, как может сравниться какая-то там еда со спасением жизни?

А мы спасали. Тех, у кого ничего не осталось и для кого тарелка теплого супа значила гораздо больше.

После еды меня молниеносно увлекло в сон. Я только на минуточку прилегла, как погрузилась в вязкое марево, но спала чутко. Пару раз даже открывала глаза, следя за тем, как служанка распаковывает чемоданы, развешивая в шкафу мужскую одежду, но признаков бодрствования не подавала. Так и провалилась до заката, полагая, что бежать лучше всего по темноте.

Так и охрана, глядишь, не заметит. И народ на улице меньше внимания обращать станет на дамочку, что вдруг решила примерить одежду не по размеру. То, что чужую одежду мне придется украсть, я понимала отчетливо. Моя сумка даже если и не осталась в театре, то в спальне совершенно точно не находилась, а искать ее по особняку я не имела никакого желания.

Нет, план мой был в другом, и перво-наперво я пробралась в кабинет, чтобы найти там деньги. Много брать не собиралась – мне бы хоть какую-то наличность на первые дни, чтобы убраться из столицы как можно дальше, однако рушек не нашлось ни в каком количестве.

В кабинете.

Парочка не самых маленьких купюр обнаружилась в одной из курток верглавнокомандующего. Я даже выдохнула с облегчением, когда они нашлись, потому что совсем без денег далеко бы я не ушла.

Когда финансовый вопрос решился, я приступила к обмундированию.

Очень сильно боялась, что дверь спальни вот-вот откроется, а на пороге появится имсит. Вздрагивала от каждого шороха, от голосов, что время от времени раздавались где-то отдаленно. Так и паранойю заработать можно, но дело делалось.

Натянув на себя чужую рубашку, я моментально в ней утонула, однако идея пришла сама по себе. Даже ремнем не пришлось скреплять – я просто стащила ворот до груди, повязав рукава вокруг талии и наспех соорудив из них бант. Получилось очень даже приличное платье, закрывающее все до самых колен.

Сложнее пришлось с верхней одеждой. На улице ночами было прохладно, так что на плечи требовалось что-то накинуть. Куртка, понятное дело, не подходила из-за своих размеров, но я отыскала кофту на пуговицах, которая могла бы запросто сойти за удлиненный кардиган. Подумаешь, рукава подвернуты. Мало ли что сейчас модно?

Ну и с обувью, собственно, мне помог сам верглавнокомандующий. Конечно, в пуантах не побегаешь, но на безрыбье и рак рыба. Лучше так, чем босиком или в мужской обуви на девять размеров больше. В ней я точно далеко не уйду.

Пока не обувалась. Сбегав в ванную комнату, я забрала спрятанный флакон с «Лека-Спреем» и на всякий случай сложила в сумку то, что, на мой взгляд, мне могло понадобиться. Не обеднеет. Тем более что взяла я совсем немного – одно полотенце, упаковку с новой щеткой, тюбик зубной пасты и мыло. Покидала кое-что и из аптечки, найденной в ящике. Просто еще не представляла, как буду выбираться с третьего уровня, но главное – это выбраться хотя бы из особняка.

Вернувшись в комнату, я закинула пуанты сверху в сумку и...

С дикой злостью на себя развернулась и прошла в кабинет, где точно видела чистые листы и целый арсенал ручек. Пресловутая совесть недовольно ворочалась внутри, вынуждая меня оставить записку. В ней я написала, что вынужденно одолжила у мужчины две купюры, найденные в куртке, а вот разыгравшая гордость оставила на бумаге только одно слово.

«Попробовала» – старательно вывела я, не сдерживая самодовольной усмешки.

Записку оставила прямо на кровати поверх подушки – так, чтобы точно заметил, – а сама полезла в окно. Оно мне еще днем приглянулось тем, что не имело решетки да и открывалось свободно.

Рядом с ним очень удобно разместилась водосточная труба, чем я и воспользовалась, аккуратно спускаясь вниз. Старалась не издавать ни звука, приглядываясь к темноте. Темнота отвечала тихими голосами, шуршанием веток и звуком пролетающих мимо особняка летных машин.

Особняк обходить и не думала. Не хватало еще нарваться на охрану, а вот забор мне понравился. Точнее, лес, который за ним находился. Едва ли не ползком преодолев полосу препятствий в виде бассейна, клумб и беседки, я подошла к нему почти вплотную, невольно задержавшись у качели.

Качели с детства были моей маленькой слабостью. Я даже на секунду представила, как сию на этой скамейке, а она легко покачивается, успокаивая...

Отогнав непрощенные мысли, я сосредоточилась на деле.

Перво-наперво надо было проверить, не подключен ли забор к какой-нибудь сигнализации. В качестве проверяющего выступила небольшая веточка, бесцеремонно вырванная из клумбы. Пока я молилась, задержав дыхание, она успешно прошла проверку, так что на забор я полезла уже без страха и, когда оказалась по ту сторону, даже ненароком не поверила, что все так легко удалось.

Казалось, что вот-вот что-то случится. Например, я услышу лай собак или завоет та же сирена, оповещающая о беглянке, но все было спокойно. Настолько спокойно, что я свободно прошла сначала вдоль высоких заборов, отсчитав как минимум десять особняков, а потом и вышла на дорогу, беспрепятственно пройдя через чужой участок.

Вот она – убежденность имситов в собственной недостижимости. Они охраняли свои замки внутри, но совершенно не беспокоились о том, что происходило снаружи. Даже охрана

и та спала в каморке, потому что точно знала, что не найдется идиот, которому в голову придет залезть на участок модифицированных.

Еще бы, ведь даже пробраться на третий уровень было огромной сложностью, но идиотка нашлась. И сейчас эта идиотка брела по улицам, стараясь максимально плутать и держаться темноты. Но только как-то я совсем не ожидала, что помощь придет фактически от противника.

Когда рядом со мной остановилась чужая летная машина, я мысленно попрощалась с жизнью, потому что да, злить имсита – очень плохая идея. Но то оказался вообще незнакомый мне модифицированный.

– Ты почему здесь так поздно гуляешь? – спросил молодой симпатичный парень, едва стекло опустилось, открывая мне обзор на пустое авто.

– Думаю, как домой добраться, – честно соврала я и, набравшись наглости, быстро выпалила: – Не подкинете до второго уровня? Я ифон где-то посеяла.

– И обувь? – скептически приподнял он светлую бровь, оглядывая меня с ног до головы серебряными очами. Ну да, пуанты я так и не обула, переживая, что в любой момент придется бежать.

– И обувь, – согласилась я. – Я могу заплатить.

– Не смейся, – приглашающе мотнул он головой на открывающуюся дверцу, и я чуть ли не вприпрыжку забралась в летное авто. – Эльдертарион, – представился мой спаситель, выглядя максимально серьезно. – Но можно просто Эльдер. Так куда тебя?

– Настолько далеко, насколько это возможно, – выдохнула я, откидываясь на спинку заднего сиденья.

– Даже не представишься?

– Не горю желанием, но можете звать меня Кошкой.

– Кошкой? – на миг обернулся молодой мужчина, выворачивая летное авто на широкую улицу.

– Кошкой, – кивнула я. – Той, что гуляет сама по себе.

Мы толком не разговаривали, пока летное авто рассекало воздух, проносясь мимо высоких особняков, освещенных участков и другого транспорта. Сердце бешено стучало, когда мы проехали мимо сломанных ворот, из которых выворачивало знакомое серебристое авто. Я прямо-таки ощущала, как грядет что-то неминуемое, но из всех сил должна была бороться.

Не до последнего. До победы.

Погрузившись в безрадостные мысли, я как-то пропустила тот момент, когда летная машина не свернула на трассу, что вела вниз на второй уровень, а полетела дальше, направляясь в самый центр мира модифицированных. Транспорт притормозил лишь у автоматических ворот, за которыми скрывался не дом, домище!

Молчать и дальше я уже не могла.

– Кажется, я попросила подкинуть меня на второй уровень, – обратилась я к парню, что вел себя так, будто ничего сверхъестественного вообще не происходило.

– Кажется, у кого-то из нас проблемы, и это точно не я, – невозмутимо ответили мне, въезжая на дорожку перед огромным трехэтажным домом. – Брось, я же вижу, что тебе нужна помощь.

– Я сама в состоянии разобраться со своими проблемами. Спасибо... – потянулась я к кнопке, что открывала дверцы, но тут же услышала щелчок, означающий блокировку. – Вы совсем?

– Почти. – Скупая улыбка тронула его губы, но увидеть ее я смогла только через зеркало заднего вида. – Знаешь, ты очень похожа на мою сестру.

– Какое это имеет значение? Выпустите меня, – возмутилась я, все больше чувствуя подступающий страх.

– Она такая же непутевая – вечно влипает в неприятности, – продолжил он, проигнорировав мои слова. – Тебе должна подойти ее одежда и обувь. Хотя обувь может быть великовата... Что? – обернулся Эльдер, словно и не понимая моих чувств.

– Вы сейчас серьезно?

– А разве может быть по-другому? Пойдем, подберешь себе что-нибудь. Не босиком же тебе идти.

– А ваша сестра не будет против?

– Против чего? Она и не заметит, если пропадет парочка из миллиона ее вещей. Не беспокойся, ее дома нет. Она на званом вечере вместе с родителями. Ну так что? Идешь? Потом я отвезу тебя на второй уровень или куда там тебе надо.

– А если мне нужно в соседний город? – осторожно спросила я, боясь поверить в такую удачу.

– Значит, отвезу туда, – легко пожал парень плечами.

Серебро в его глазах сверкнуло, но отчего-то совсем не пугало. Он в принципе казался светлым, и дело было не в цвете волос. Просто... Я не чувствовала той давящей угрозы. Этот имсит располагал к себе. Располагал открытостью, откровенностью и спокойствием. Напрягало только серьезное выражение лица, что застыло, будто камень, и решительность, поселившаяся в глазах.

– Но... Почему?

Я была ошарашена, обескуражена таким поступком. Совершенно чужой мне... Даже не человек! Имсит, модифицированный, зверь в человеческом обличье помогал. Я такого даже в сказках не слышала.

– Я же сказал: ты очень похожа на мою сестру. Когда-нибудь наступит день, когда меня просто не окажется рядом с Эльзой. Я лишь надеюсь, что в этот момент найдется тот, кто бескорыстно поможет ей и протянет руку.

– Точно так же, как вы сейчас?

– Верно, кошечка. Выметайся.

Я ощущала себя в крайней степени неловко. В чужом особняке мне предложили чувствовать себя как дома, разрешили воспользоваться ванной, чтобы помыть ноги, и отвели в гардеробную, которая размерами могла бы сравниться с торговым центром на втором уровне.

Что примечательно, эта комната вся под завязку была заполнена одеждой, аксессуарами и обувью. Я словно в сказку попала или в сон, выныривать из которого в реальность не хотелось совершенно.

– Бери все, что хочешь, но поторопись. Хочу поужинать перед отъездом.

– Так идите ужинать. Я не маленькая, переоденусь и спущусь, – улыбнулась я, медленно прогуливаясь по рядам, осторожно касаясь пальцами разноцветных тканей.

– Я не говорю, что ты маленькая. Я говорю, что я хочу поужинать и не откажусь от компании. Давай, жду тебя в гостиной.

Задерживать хозяина дома было попросту неприлично. Он и без того делал для меня гораздо больше, чем кто бы то ни было за всю мою жизнь, не считая папы и мамы. Если он действительно вывезет меня за пределы столицы, я буду его должницей. Эльдер – мой шанс пересечь посты и при этом остаться незамеченной. Летные машины модифицированных никогда не останавливали для проверки.

Я взяла действительно только самое необходимое. Сложив вещи верглавнокомандующего в заметно раздувшуюся сумку, переоделась в удобные темные брюки, синюю футболку и короткую кожаную куртку. Из обуви подобрала максимально простые коричневые ботинки, а у зеркала отыскала то, о чем, собственно, даже не подумала.

На специальных подставках стояли разных цветов парики, и я моментально стащила черный. Всегда было интересно, как мне будет с челкой и под каре, и результат удивил. Будто перед

зеркалом стояла совсем не я, а серые глаза казались просто огромными. Последним штрихом стали солнцезащитные очки, которые ночью были без надобности, а вот днем...

– Ты собралась скрываться или привлекать к себе внимание? – спросил Эльдер, увидев, как я спускаюсь по лестнице.

– Да я... Стоп, – замерла я на предпоследней ступеньке, а сердце моментально ушло куда-то в пятки. Губы высохли, пульс застучал в ушах. Взявшись пальцами за перила, я тихо произнесла: – Я ведь не говорила, что собираюсь скрываться.

– Брось, тебя разве что только с сиренами не ищут. Пойдем ужинать, – поднялся он с дивана, направляясь к широкой арке.

– И это все? Вы даже не спросите, почему меня ищут? – проследила я за ним взглядом.

– А зачем? – обернулся имсит, опираясь плечом о дверной косяк. – Меньше знаешь – крепче спишь.

Поздний ужин в итоге я просто запихивала в себя, потому что все никак не могла расслабиться. Прислушивалась к тому, что происходило на улице, и все ждала, что вот-вот кто-то постучится в дверь или у ворот остановится чужое летное авто. Они проносились мимо с пугающей периодичностью, пока я понимала, как сильно мне повезло. Если бы не этот странный модифицированный, меня бы уже отыскивали.

Во что я ввязалась? Как до такого докатилась?

Меня лихорадило. Мысли, словно испуганные птицы, не задерживались в голове. То, что я сейчас сидела здесь, было чистым везением, но не факт, что мне и дальше так будет везти. Отчего-то была почти на сто процентов уверена: если попадусь, в следующий раз мы с верглавнокомандующим встретимся уже в тюрьме.

Он ведь просто не подумал. В этот раз он просто не подумал, что я посмею сбежать, что я воспользуюсь окном, что я решусь в одиночестве прогуляться по третьему уровню в его одежде и босиком. В этот раз. В следующий он уже будет готов – я это прекрасно осознавала.

– Если ты закончила ковыряться в тарелке, можем ехать, – залпом осушил имсит бокал, отставляя его в сторону.

– Спасибо, – выдохнула я, поднимаясь.

Ощущала тяжесть, что оседала в груди, оплетала душу, словно змея. Была мысль попросить у Эльдера ифон, чтобы связаться с отцом, но так явно подставлять не хотела ни первого, ни второго. Просто надеялась, что у отца все хорошо. И будет хорошо, когда я уберусь как можно дальше и дам о себе весточку.

Они ведь не тронут его. Никаких доказательств у верглавнокомандующего нет. Я ведь ничего не украла. Только сделала фото его расписания, чтобы наши могли составить следующий план. И пуанты у меня, и...

И истерика подбиралась ко мне все ближе, щедро поливая отчаянием. Я знала, на что шла.

Я. Знала.

В дороге я все-таки задремала, едва мы проехали мимо поста. Летное авто модифицированного действительно не остановили, но некая оживленность на дорогах и улицах все же присутствовала. Это нервировало. Все нервировало. Наверное, потому и отключилась – просто устала за этот неожиданно долгий день. Вымоталась и морально, и физически, но должна была признать, что «Лека-Спрей» творил чудеса.

Если бы не он, я бы еще долго с постели не могла бы подняться.

– Эй, кошка, просыпайся. Тебе куда? – растормошил меня модифицированный, а я не сразу поняла, где и с кем нахожусь. Мне понадобилась пара минут, чтобы проморгаться и прийти в себя, осознавая, что уже утро.

– На второй уровень, – попросила я, занимая сидячее положение. – Центральная площадь с фонтаном. Только высадите меня, пожалуйста, хотя бы за несколько домов от нее.

- Боишься, что мое авто привлечет внимание?
 - Не хочу, чтобы вы знали, куда я пойду, – честно ответила, растирая лицо ладонями. – Спасибо. Вы просто не представляете, как сильно мне помогли.
 - Ты так и не представилась, – напомнили мне.
 - Кошка, – вымученно улыбнулась я, поправляя съехавший парик.
 - Да-да, та самая, что гуляет сама по себе. Не вляпывайся больше в неприятности.
- И да, я очень долго петляла, прежде чем от площади с фонтаном добраться до цветочного магазина. До цветочного магазина с очень дерзким названием «Малика».

Глава 7: Значит, война

– Спасибо за покупку, приходите еще, – улыбнулась я очередной покупательнице, подавая букет.

На сегодня это был последний заказ. В зале цветочного салона тоже уже никого не было – остались только мы с тетей Айли. Женщина как раз убирала цветы в холодильник, и я поспешила ей помочь, придерживая дверь.

– Спасибо, дорогая. Ты домой?

– Если честно, я хотела немного прогуляться. Третий день уже в Фарксе, а так ничего и не видела. Надоело сидеть в заточении.

– Когда у тебя скоростной?

Женщина закрыла холодильник и теперь поливала цветы, что росли в цветочных горшках. Моим любимчиком за эти дни стал колючий кактус, на вершине которого каждое утро распускался радужный цветок. Было в нем что-то яркое, радостное, кардинально противоположное той серости, что оплетала первый и даже второй уровень.

– Рано утром. Паперти еще в обед принес документы и билет.

– Значит, больше не увидимся? – вдруг печально спросила тетя.

– Ну что же ты, тетя Айли? Я же не навсегда уезжаю. Просто... Сейчас мне лучше находиться как можно дальше, чтобы никто не пострадал.

– Дай-ка я тебя обниму. Глупая, глупая девчонка.

Не знаю, сколько мы простояли так в этой теплой родной тишине. Наверное, объятия длились бы значительно дольше, если бы не звякнул дверной колокольчик, оповещая нас о приходе нового посетителя. Отстранившись, тетя Айли смахнула вырвавшуюся слезинку и обернулась к покупателю с той самой доброй улыбкой, на которую невозможно было не улыбнуться в ответ.

– Вам нужно что-то особенное?

Вошедший мужчина не показался мне странным. В цветочный салон заходили самые разные покупатели и всегда находили букеты по своему кошельку. Незаметно кивнув тетушке, я забрала из-за стойки свой рюкзак, накинула куртку и сказала то, что должна была:

– До свидания, госпожа Айли.

– Не задерживайся утром, Бели. У нас на завтра много заказов.

И я, и тетушка Айли понимали, что завтра утром мы уже не свидимся, но для всего остального мира мы были максимально чужими людьми. Просто помощница Бели, что искала себе временную подработку, и просто владелица цветочного магазина, никак не связанные друг с другом.

Так было безопаснее. И для тетушки Айли, которую я считала действительно тетей, хотя она была всего лишь подругой моей матери, назвавшей в честь меня свой магазин – своих детей у нее не было, – и для остальных, что помогали мне прошедшие три дня. Тетушка Айли знала, чем мы с отцом занимаемся. Больше того, в Фарксе она сама примкнула к рядам активистов, и именно через нее я смогла передать в логово «Лека-Спрей» и весточку для отца.

Боясь, что меня могут выследить, в штаб-квартире сама не появлялась, так что ответ от папы мне принесли. Я знала, что он будет зол. Не на меня – на себя и на ту ситуацию, что произошла, но изменить что-либо мы оба были не в силах.

«Береги себя» – именно этой фразой заканчивалось послание, в котором он просил меня быть осторожной и уезжать как можно дальше. Он все решит – эти слова вселяли в меня надежду, но я знала, что мой отец не всемогущий. Он всего лишь человек, который хочет, чтобы этот мир стал лучше, честнее, справедливее и добрее.

Меня уже ждали. За много километров отсюда, в незнакомом мне городе незнакомые для меня люди, но так было правильно. Я не привыкла скрываться, все во мне не желало прятаться, однако я должна была начать новую жизнь, потому что с моим проколом она, эта жизнь, не останавливалась. Жить дальше – единственное, что я могла сделать в сложившихся обстоятельствах.

Деньги у меня были – остались купюры, что я одалживала у модифицированного, и кое-что из наличности мне выделила тетушка Айли. Кто оплачивал мне новые документы и билет, я не знала, но денег за них Паперти не попросил.

Молодой парень так радовался тому, что я привезла «Лека-Спрей», что трещал об этом без умолку. Я его понимала. Если нашим химикам удастся расшифровать состав, мы сможем спасти гораздо больше людей. Единственная проблема, как и всегда, – финансирование. Ведь деньги для производства из воздуха не брались.

Мне нравился Фаркс. Здесь было гораздо спокойнее, чем в столице. Дороги не занимало большое количество летных машин, а модифицированные появлялись здесь намного реже. На попечении каждой семьи имситов был не один город, а десятки или даже сотни, так что бывать везде и всюду они просто не успевали.

Другое дело, что имелись люди, которые верно служили им, управляя городами, стоя на страже порядка. В этом плане чем дальше от столицы, тем хуже обстояли дела с преступностью.

Для меня снимали комнату на первом уровне, и на второй день моего пребывания в Фарксе меня попробовали ограбить. Попытались, но отец не зря столько времени отдавал нашей подготовке. Конечно, я бы навряд ли смогла пробежать с десятков километров или сразиться с модифицированным, но за себя постоять умела. Неудачливый воришка лишился зуба и получил перелом руки, а я разжилась небольшим карманным ножиком.

Любила гулять вечерами. В закатных лучах даже серые улицы преображались, становясь живыми и будто волшебными. Немногочисленные прохожие спешили по своим делам, а я рассматривала их, пытаюсь угадать, куда человек направляется. Странно смотреть на других и понимать, что, в отличие от твоей, их жизни не остановились. Они все так же любят, злятся или думают о бытовых делах, и им совершенно нет дела до чужих проблем.

Наверное, так правильно, но мне все чаще за последние дни вспоминался Эльдер и его бескорыстный поступок. Он помог чужому человеку просто потому, что мог. И отец... мой папа помогал другим и всегда говорил мне, что для добра не нужны причины. Тебе кажется, что ты никому ничего не можешь дать, но на самом деле даже тридцать рушек или тарелка супа могут спасти чью-то жизнь, потому что люди умирают по трем причинам: старость, болезни и разочарование.

Если с первым мы ничего не могли сделать, а для второго нередко требовались огромные деньги, которых у нас не было, то третье по силам было исправить каждому. Иногда людям просто нужно сохранять веру в добро, а что это – добрая улыбка, тарелка супа или две недостающие монеты, – на самом деле неважно. Важно душевное тепло, которым ты делишься в этот момент.

Вечером даже дышалось легче, слаще, свободнее, что ли. Проехавшись на эскалаторе, я неспешно брела по узким улочкам первого уровня, направляясь к старой высотке, где арендовала даже не квартиру – комнату. В этом доме все так жили: на площади в пятнадцать квадратных метров располагались и кухня, и спальное место, и санузел. Коробка, но мне было комфортно, хотя спала я с ножом под подушкой.

Боялась. Все это время так сильно боялась, но скрывала свои страхи даже от себя самой. Потому что нельзя, нельзя давать слабинку, нельзя опускать руки, нельзя. Даже если против тебя целый мир.

– Черт! – выдохнула я, заметив недалеко от подъезда стоящую в тени серебристую летную машину.

Это могло быть просто совпадение. Да мало ли сколько таких машин? Модифицированных на Земле немало, но сердце гулко застучало, а я крепче сжала ляжку рюкзака, медленно пятясь назад.

Даже если это какой-то другой имсит, даже если эта машина здесь совершенно случайно, проверять свои догадки я не хотела совершенно. Лучше уж заночевать на вокзале, чем...

– Попалась, моя ванильная прелесть, – крепко сжали мою талию, а я уперлась спиной в чужой живот.

Закричала не от боли – от страха, потому что не узнать этот голос было попросту невозможно. И нет, я не потеряла сознание. Я отключилась, потому что в шею мне нагло и бессовестно что-то вкололи.

Просыпалась тяжело.

Губы высохли, во рту появился странный горький привкус, а тело было настолько ослабленным, что двигаться не хотелось совершенно. Да и не нужно было, потому что в помещении кроме меня находился кто-то еще. Не открывала глаза – думала дождаться, пока останусь одна, чтобы оценить обстановку и грядущие неприятности, но, увы, меня уже раскусили.

– Не притворяйся, моя прелесть. Я слышу, что ты проснулась, – произнесли не рядом со мной, но где-то достаточно близко.

– Что? Жаждете приступить к пыткам? – открыла я глаза и попыталась сесть.

На удивление, мне это удалось. Я не была в тюрьме, как того ожидала. Я снова находилась в доме верглавнокомандующего, все в той же спальне и даже в той же кровати. Больше того, под одеялом на мне снова не было ничего, кроме белья, но навряд ли история повторялась.

Хотя бы потому, что теперь по ту сторону окна висела решетка. К моему здесь появлению явно готовились, но и я теперь не собиралась действовать наобум. Несмотря на то, что имсит сидел в своем кабинете, а до двери, ведущей в коридор, мне было рукой подать, я до нее не побежала.

Он уже меня поймал несмотря на все мои ухищрения. Даже если мне удастся еще раз сбежать, а в своих силах я не сомневалась, ничего не изменится. Рано или поздно он меня поймает – имситы упертые, а звериные инстинкты не дадут верглавнокомандующему оставить меня в покое, так что...

Нужно было срочно менять тактику. Я ничего не знаю и не понимаю, что здесь делаю, – этой стратегии и стоит придерживаться. Да только в доме семьи Арль я действительно была, и мы оба об этом знали. Так что я там делала? Ложь должна быть правдоподобной.

– Конечно, – раздалось из кабинета, но на меня по-прежнему не смотрели. Мужчина пролистывал какие-то бумаги и время от времени подписывал некоторые из них. – Я как раз раздумываю, как именно тебя лучше пытать. Как насчет испытания завтраком?

– Отравленным? – не смолчала я, укутываясь в одеяло.

– Только если твой яд попадет в тарелку, но для начала у меня для тебя есть еще одна пытка. Умывальник за дверью. Впрочем, ты и сама уже знаешь.

– Может, мне еще и одежда полагается?

– Где шкаф, тебе тоже известно.

Он не злился. Он не ругался. Не угрожал, не смотрел тем убийственным взглядом, от которого хотелось закопаться под землю. Он вел себя максимально спокойно, но не холодно. Такое поведение вынуждало нервничать и бояться еще сильнее. Я не знала, чего от него ждать, а потому так и осталась сидеть. Понимала, что я никакая не гостья, а самая настоящая пленница.

– Ты все-таки хочешь, чтобы я поучаствовал.

– Поучаствовал в чем? – настороженно спросила я, рассматривая знакомый столик.

Под крышкой наверняка скрывалась тарелка с завтраком, но есть я не собиралась. Не назло. Просто сейчас ничего бы не полезло.

– Как в чем? В твоём умывании. Я считаю до трех...

– Что вы мне вкололи?

– Раз.

– Вы знаете, что нарушаете закон, удерживая меня здесь?

– Два, – продолжил имсит, не поднимая головы от бумаг.

Паника нарастала, но я и не подумала слушаться. Он не пойдёт меня умывать. Да это просто смешно!

– Я хочу знать, в чём вы меня обвиняете!

– Три, – совершенно спокойно произнес имсит и невозмутимо поднялся из-за стола.

Светлая футболка, облегающая мощное тело, светло-серые домашние штаны. Он шел размеренно, босиком, будто просто прогуливался по комнатам, но на его губах играла такая дьявольская усмешка, что я невольно сжалась, готовясь к худшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.